

М. _____
ВЕЛЛЕР

**НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ
ВАРИАНТ**

Михаил Иосифович Веллер

Нежелательный вариант (сборник)

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4587810

Веллер М. Нежелательный вариант (сборник): Астрель; Москва; 2012

ISBN 978-5-271-41361-2

Аннотация

***НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ВЕЛЛЕРОМ МИХАИЛОМ ИОСИФОВИЧЕМ, ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ВЕЛЛЕРА МИХАИЛА ИОСИФОВИЧА.**

«...Что такое государственный раб? Во-первых, он прикреплен к месту и не может уехать оттуда, где живет. Не только из государства, но даже город сменить! – везде прописка, проверка, разрешение. Во-вторых, он может работать только на государство, и от государства получать средства на жизнь: работа на себя или на частное лицо запрещена, земля, завод, корабль – всё, всё принадлежит государству. В-третьих, за уклонение от работы его суют на каторгу и заставляют работать на государство под автоматом. В-четвертых, если он придумал, как делать что-то

больше, легче и лучше, ему все равно не платят больше, а платят столько же, а все произведенное им государство объявляет своей собственностью. Клад, изобретение, сверхплановая продукция, сама судьба – все принадлежит государству! А рабу бросается на пропитание, чтоб не подох слишком быстро. А теперь вы ждете от меня благодарности за такое государство?...»

Содержание

Самовар	5
Часть первая	5
Глава I	5
1. 1-е апреля 1994 года.	5
2. Автор	7
3. Книга	11
4. Название	13
5. Эпиграф	15
6. Посвящение	16
7. Предупреждение	17
8. Интродукция	17
9. Портрет и пейзаж	18
Глава II	25
Глава III	36
Глава IV	61
1.	61
2.	69
3.	82
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Михаил Веллер

Нежелательный вариант (сборник)

Самовар

Часть первая Семерка

Глава I

1. 1-е апреля 1994 года.

– Да!

– Ну?

– Именно тебя я и ждал.

Хоть вы не знаете меня, а я не знаю вас, – друзья, садитесь у огня: послушайте рассказ... Про любовь и про бомбежку, про большой линкор «Марат», как я ранен был немножко, защищая Ленинград. Чего ж тебе надобно, старче?

– Чтоб было интересно.

– Обижаешь, начальник. Фирма веников не вяжет. Начнешь – забудешь, что в туалет хотел. Когда-то парижские ажаны, конвоируя по городу опасного преступника, всаживали ему в нежную плоть межножья рыболовный крючок, а леску наматывали себе на палец. И головорез шел как миленький, на посторонний взгляд – добровольный спутник. Примерно так должна действовать завязка настоящей истории.

– И про любовь.

– Любовь волнует кровь и вместе с голодом правит миром; а как же. Наше политическое кредо: всегда!

– А счастье: сбудется обещанное счастье?

– Непременно. Только ради этого разговор и затеян. Держи карман шире: уже катится, катится голубой вагон.

– И – стрельба, погони, опасности.

– Если ты предпочитаешь «бентли» «ягуару», а браунинг «хай пауэр» кольту-«питон», и слышал, как тяжелым басом гремит фугас, – нам найдется о чем потолковать.

– Очень хочется быть богатым.

– О том и речь. Я бы убил того, кто придумал бедность.

– Еще должна быть жуткая тайна, и в конце она должна раскрыться.

– Ты не представляешь, какая эта тайна жуткая, душа моя. И раскрыть ее нам под силу только вместе – и только под самый конец.

– И посмеяться, ага?

– Поржать – это святое. Смех бывает разный: «ха-ха-ха», «хо-хо-хо», «хе-хе-хе», «хи-хи-хи», «гы-гы-гы», «бру-га-га»; и от щекотки.

– Уж больно много всего, а. Во всем этом нет дешевого рекламного зазыва?

– Отнюдь, сказал граф, и повалил графиню на рояль. На центральной площади Тель-Авива стоит памятник Юрию Гагарину: это он первый сказал: «Поехали!» – и началась еврейская эмиграция из СССР.

Помолясь – поехали.

Сорок веков смотрят на нас с высоты египетских пирамид. Ослов и трубадуров – на середину!

2. Автор

Главный герой этой книги – юный романтик и авантюрист, переживший трагическую любовь. Вернее, он ее не пережил, потому что его расстреляли.

Он был обвинен в убийстве и шпионаже, и вина была полностью доказана. Причиной убийства послужила вспыльчивость, шпионажа – любовь, а ареста – глупость. То есть, как обычно и повелось, одно не имело к другому никакого отношения.

Он жил в городе, которого больше нет, под названием Ленинград, в стране, которой больше нет, под названием Союз

Советов. Это была самая большая и грозная империя в мире, которая просуществовала всего семьдесят лет, провела несколько огромных войн и уничтожила четверть своего населения. У нее была самая могущественная в мире армия, самые лучшие танки и автоматы, и самые красивые женщины.

Все ее жители были государственные рабы. Они были обязаны всю жизнь трудиться на государство и не имели собственности. При этом они были патриоты, любили свою Родину и считали ее лучшей в мире. А для веселья пили сорокаградусный раствор этилового спирта в воде, называемый «водка».

Тех, кто не хотел работать, ссылали на каторгу в Сибирь. В Сибири бескрайние дремучие леса, снег и лютые морозы.

Под страхом каторги им запрещалось иметь оружие, чтоб они не могли оказывать сопротивления властям, и запрещалось ездить за границу и вообще общаться с иностранцами, чтоб они случайно не узнали, что в других странах люди живут лучше.

По праздникам они пели Государственную песню из веселого кинофильма «Цирк»: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Диктатор империи приказал, чтобы важнейшим из искусств для них являлось кино.

Но поскольку огромная империя занимала шестую часть всей земной суши, некоторые молодые крепкие мужчины ездили с одной окраины на другую, в пустыни, горы, тундру и

леса, жили там среди местных народов и часто меняли работу. Так они удовлетворяли тягу к путешествиям, переменам и экзотике.

Представителей властей там почти не было, и люди сами решали споры по своим собственным законам.

Однажды летом наш герой работал скотогоном в диких горах Алтая. Скотогон – это нищий безоружный ковбой на плохой лошади.

И случилась ночевка близ селения, попойка с местными парнями у костра, ссора и честный поединок на ножах.

А зимой, вернувшись в родной Ленинград, он встретил девушку и впервые в жизни полюбил. Она была похожа на итальянскую кинозвезду. У нее была стройная фигура, высокая грудь, красивый голос, золотые волосы, детское лицо и огромные сияющие карие глазищи в мохнатых ресницах.

Она заканчивала университет. И она согласилась выйти за него замуж. И даже повезла его познакомить со своими родителями в Москву.

Ее отец был двухзвездный адмирал. Он был командующим морской авиацией Советских Военно-Воздушных Сил. Он был похож на знаменитого киноактера. Он жил в огромной квартире, где в холле со шкурой белого медведя стояли четыре телефона. Зеленый телефон каждые шесть часов докладывал, как проходит боевое дежурство в воздухе советских стратегических бомбардировщиков с водородными бомбами близ американских границ.

Наш герой удивился радушному приему. Ведь он был невыгодный жених: юн, нищ, безработен, и вдобавок еврей.

Невеста оказалась лесбиянкой. Она жила с любимой подругой. Ее родители придерживались отсталых гетеросексуальных взглядов. Они страшно переживали и пытались их разлучить, и уже мечтали выдать ее за любого нормального мужчину.

Они хотели посадить подругу за сексуальные отклонения в сумасшедший дом. Девушки придумали оборонительный план. Во-вторых, выдать красотку для отвода глаз замуж. А во-первых собрать на папу компрометирующий материал, чтобы в случае чего тайно переправить его в американские газеты. Тогда скандал, адмирала выгонят из армии и отдадут под трибунал.

Это была драма для всех причастных лиц. Жених был готов устранить соперника, но перед соперницей чувствовал себя бессильным. Он потерял свой нерв: плохо соображал, плакал и был готов на все.

Невеста шпионила за папой, а жених относил бумажки одному знакомому подруги, у которого были родственники за границей. Так придумала осторожная и предусмотрительная подруга.

Но знакомый был завербован как 2-м отделом ЦРУ, так и 4-м ГУ КГБ. Получив ценную часть информации, американцы затем в своих целях приказали ему сдать компанию русским. Арестовали всех.

Но жених сумел скрыться. Он скрывался три месяца. Контрразведка оказалась беспомощной.

Потом он сам явился и сдался. Он взял всю вину на себя и рассказал о себе все. Жить без любимой он не хотел и не мог.

За эти три месяца он успел написать эту книгу.

3. Книга

В этой книге ровно тысяча страниц. Она была перепечатана на портативной механической пишущей машинке «Элита», сделанной из крупновской стали в 1942 году на народных предприятиях Роберта Лея в Германском III Рейхе, с русским шрифтом для Восточных Территорий.

Толщина пачки была десять с половиной сантиметров, и весила она четыре килограмма восемьсот граммов.

Незаметно переправить такой кирпич через советскую границу было невозможно.

Автор одолжил у приятеля фотоаппарат «Зенит» с объективом «Гелиос-IV», а у знакомого газетного фотографа с уговорами купил пять метров пленки чувствительностью в 1000 единиц, с очень мелким зерном, что допускает сильное увеличение снимков. Такая пленка применялась в аэрофотопулеметах и продавалась летчиками за водку.

Он переснял рукопись, раскладывая по 9 страниц в кадре, и получилось 112 кадров. Проявить пленку пришлось просить того же фотографа: сам, не умея, запрешь, а в ателье

такую не возьмут, а и возьмут – переснятый текст вызывает опасные подозрения, типичные шпионские штучки, и потом – за всеми фотоателье приглядывало то же 4-е ГУ КГБ. Фотографа пришлось подпоить, тонко соблюдая меру: перед работой – до потери подозрений при сохранении полной работоспособности, после работы – в хлам до полной потери воспоминаний.

Получился рулончик диаметром в 2,5 сантиметра и весом в 60 граммов.

Окончив книгу, автор испытал простительный и кратковременный прилив любви и жадности к жизни. В грезах явились слава, богатство и счастье свободы в Америке. Но книгу надо переправлять и издавать скорее! А сам выберешься ли еще, и когда?..

Смешно: в розыске КГБ – он боялся публикацией под своей фамилией в США осложнить жизнь себе и родным. А если анонимно – боялся, что кто-нибудь (особенно в случае его смерти) припишет другому (или украдет себе!) авторство его шедевра.

Поэтому на один промежуточный кадр он сфотографировал перекидной табло-календарь над посетителями в Центральном Почтамте: открывшийся в будущем автор должен доказать, что мог быть там в указанный день. А на другой – кусок поверхности зернистого гранитного парапета невской набережной в косом солнечном свете. Такой рельеф в деталях неповторим, как дактилоскопический отпечаток. Только

автор сможет указать, где этот участок – таких гранитов в Ленинграде сотни километров.

Таким образом авторство книги было скрыто – но застраховано.

Вскоре оно раскроется.

А рулончик пленки был вложен в ручку дамского зонтика, что на просвет-экране таможенного телевизора выглядело естественным устройством крепления стержня в ручке, и через третьи руки благополучно пересек границу.

Доказательство чему вы сейчас читаете.

4. Название

Красивое имя – высокая честь. Сколько я ни встречал собак с затейливыми кличками – все они никуда не годились.

Имя – обязывает, многое определяет, и даже властвует. Скажем, есть несчастливые имена кораблей; а переименовывать корабль опасно, это давно известно. Самый большой линкор в мире «Юлий Цезарь» однажды переименовали в «Новороссийск», и в результате он взорвался и утонул прямо в порту, и с ним погибло семьсот моряков. Кесарю не судьба умирать своей смертью.

Сначала эта книга называлась «Соблазнитель». Автор задумал захватывающий роман об искусстве и науке любви: каждый, прочитав его, мог научиться покорять любимого человека.

Потом она стала называться «Заговор Сверхдержав»: как ФБР и КГБ взаимно договорились убрать своих президентов, которые мешали им работать: в результате Кеннеди застрелили, а Хрущева всего лишь свергли и отправили под домашний арест до конца жизни.

От этого любовно-политического триллера отпочковался еще один: «Заговор по-русски». В нем детально исследовалось, как именно будет уничтожена советская власть в России, и приводился всесторонний план переворота. Самое потрясающее, что пятнадцать лет спустя такой переворот был совершен в действительности.

Подобные темы наводят на обобщающие размышления, итогом которых явился заголовок «Все о жизни». А вот так! Ни больше ни меньше. «Все о жизни», ясно? Прочти эту книгу – и другие тебе уже не понадобятся. И так все узнаешь.

Но поскольку это все-таки не философский трактат, а роман, то и название желательно такое... художественное и броское. И оно было придумано: «Русская матрешка». В нем содержится указание на шкатулочный эффект: примитивная на вид кукла, затейливо раскрашена, а внутри раскрывается бесконечное множество подобных, других размеров и расцветок. Плюс колорит а'ля русс: навроде «русской рулетки».

Толстая книга с такой надписью на обложке может быть принята за каталог упомянутых матрешек. И в конце концов названием стало служить простое и краткое слово – «Самовар».

Самовар – сам варит, характерный предмет русского быта. Внутри – огонь, окруженный водой. Корпус – зеркало: ясное, но искажающее. Сверху идет дым из трубы. Самодостаточная система. Снизу – крантик.

А кроме того, слово «самовар» имеет еще одно значение, важное в этой книге.

5. Эпиграф

Вообще-то по-гречески «эпиграф» – это любая надпись на любом предмете. Поскольку придумывался он в период названия «Все о жизни», то хотелось засадить что-нибудь такое всеобъемлющее... Если заборы и стены тоже счесть предметами, то самый распространенный эпиграф нашей действительности вам хорошо известен. Первая из трех букв короткого слова косым андреевским крестом перечеркнула грудь императорского орла. Символика, конечно, богатая, фаллическая символика, корень жизни. Но от грубоватого эпатажа было решено отказаться.

Эпиграфом часто как бы воздается честь автору, из которого он взят. Но на хрена Боливару нести двоих, честь не резиновая, и так все потеряно, кроме нее, так береги смолоду.

Конечно, на разные случаи жизни хороша Библия. Но у читателя могут быть собственные отношения с религией, да и религий на свете много. Грех всеу раздергивать Священное Писание на цитаты к украшению собственных выкладок.

Итого остаются из сокровищницы мировой литературы более или менее крылатые и бородатые фразы да всеобще-ничейный фольклор.

Теперь оцените стойкость затравленного пацана, который скрывается на свалке среди трущоб и, присмолив окурков, сидя на пустом водочном ящике в позе роденовского мыслителя в тени развесистого куста клюквы, хрипло произносит миру:

– Я Мишка – вашему терему крышка.

6. Посвящение

Сервантес посвятил «Дон-Кихота» герцогу Броглио.

– Кто такой? Почему не знаю?! В академию бы мне после войны, подучиться малость...

Посвящение Хине Члек после деликатной борьбы в редакции выкинули. Хотя есть, всегда есть искушение посвятить что-нибудь эдакое неким таким образом, чтоб много опосля кружок некогда прекрасных дам целил плюнуть другу другу в глаз.

Начищенные плевательницы сияли девственной медью, но при взгляде на чудный изразцовый пол становилось ясно, почему южане проиграли битву при Нэшвиле.

Посвящать книгу кому-нибудь из родных – бестактно по отношению к остальным не менее родным. Посвящать по такой книге каждому невозможно, потому что такая книга и

всего-то одна. А если посвящать ее всем сразу, такие случаи в истории бывали, то это уже какое-то семейное письмо, которое неловко и незачем читать посторонним.

Да и как посвящать другим то, во что посвятил тебя Господь?.. Представьте себе посвящение на Библии: «Нашему Богу». Или того лучше: «Римскому Папе». Святотатственный бред какой-то.

.....

Да провалитесь вы все пропадом!

7. Предупреждение

Не влезай – убьет.

Это очень неприличная книга. В ней много неприличных слов, неприличных сцен, а главное – неприличных мыслей. Поэтому ее нельзя давать читать детям, и лучше бы не читать людям с неустойчивой психикой. Также ее не должны читать люди, не любящие всякие неприличности.

Честно говоря, возможно лучше и вам ее не читать. Возможно, ее вообще писать-то не следовало.

8. Интродукция

Она же преамбула, введение, предуведомление, пролог, зачин и предисловие.

Окончены.

Тихо-тихо совлекайте с древних идолов одежды.

А молитву сотворя, третий нож – на царя...
Господи, помоги мне удачно отбомбиться!

9. Портрет и пейзаж

Береза вписывалась в небосвод так, что утреннее солнце, поднимаясь над кроной, просекало светом листву. За лугом курчавился дымчатый подлесок, перераставший в крепкую чащу, а ближняя кромка травостоя обрезалась желтым обрывом. Под обрывом шуршала волна, шлифуя тонким накатом песчаный пляж.

Сдвигающее прозрачную перспективу марево, слоеный клеверный пар, было проткано четким стрекотом кузнечиков и виолончельной вибрацией пчел.

Из-под корней березы выбрался шмель-трубач и, упершись мохнатыми лапками, зажужжал, вентилируя струей ветерка свою норку. Проветрив жилище, он оторвался от земли и басовой струной ввинтился в пространство. Без внимания к крапящим зелень ромашкам и василькам заложил вираж и с упругой тягой провесил курс на мощный запах пищи.

– Да будет свет! – возвестил владетельный сочный голос. И его обладательница распахнула окно. – Красота какая!

Окно служило, похоже, и дверью: двустворчатая большая рама размыкалась ключом, упираясь в низкий широкий подоконник, истертый наподобие порога; с наружи стены к нему были приставлены деревянные ступени.

Дом мягко врисовывался в пейзаж: желтый двухэтажный коробок под белым шифером. По сторонам подъездного крыльца выступали ложные дорические колонны, уподобляя сходство с дворянской усадьбой, где отставной офицер со вкусом проживает на лоне природы наследство жениных предков.

– Гулять! гулять! – запела женщина на разные голоса, как хор барышень-помещиц. Из глубины помещения ей вторила оживленная мужская переговорка.

– А что у нас, ребята, в рюкзаках... – мурлыкала женщина, совершая невидимые сборы. – Кто сегодня мой первый кавалер? Мм?

Из окна до березы блестела стальная проволока, натянутая на высоте человеческого роста.

Проволока напряглась, поскрипывая, и по ней выехал из окна весомый застиранный рюкзак. Лямкой он висел на крючке, вдетом в раздвоенный ролик, проворачивающийся с веселым писком.

Белая фигура возникла в темном прямоугольном проеме. Женщина спустилась по ступеням на траву и повезла рюкзак через луг. Медицинская шапочка была пришпилена к воронной гриве. Обтянутый халат круглился на откровенных формах. В плавном движении тело под халатом дышало.

Довезя рюкзак на певучем ролике до березы, она потянулась и пошла обратно, запустив:

– Следущи-ий! кричит заведущий!..

Синяя лаковая стрекоза прервала свой полет, спланировала на предмет и уселась, двигая прозрачными крылышками.

Из рюкзака торчала стриженная мужская голова.

– С благополучным приземлением, – пожелала голова, скосив глаза вверх. Выпятила нижнюю губу, дернулась и фукнула: – Пшла на хуй, сука.

Стрекоза переступила по волоскам, оскорбленно снялась и исчезла.

Визжа и раскачиваясь, как выползающая на-гора вагонетка с рудой, близился второй рюкзак. Медсестра остановила его метрах в двух, оценила интервал и двинулась за очередным.

– Доктор Ливингстон, если не ошибаюсь? – приветствовала первая голова, церемонно кивая. – Как вы перенесли путешествие?

– От этого скрипа уши закладывает, – пожаловалась вторая голова. – Телега-то опять немазаная.

– Это входит в программу. Звуковой фон – разнообразие: дополнительные раздражители.

– Вот именно, что раздражители. Колесо – оно требует смазки. Каши маслом не испортишь.

– Это ничего... главное – чтоб обувь была разношена и гвоздь в пятку не лез!

И оба подсмеялись привычной шутке.

Третья голова выглядела вовсе древней, ископаемой. Лы-

со-седая, водянистые глазки запряты среди коричневых пигментных островков, и ее единственный зуб, длинный и желтый, торчал из-под верхней губы, как щуп. Рюкзак ей достался плохой, последнего срока, слинявший и застиранный до белесости, и с грубой заплатой на месте кармана. Она смачно харкнула, едва не пришибив божью коровку, хлопотливо сновавшую вверх-вниз по травинке в охоте на тлей, и прохрипела:

– Курить-то когда?

– Некомпанейский вы народ, гринго! Обождите, пока замыкающие подтянутся. Эй, в хвосте, шире шаг!

– Висельники...

– Великолепная семерка!

– Семеро смелых.

И туловища, оснащенные головами, разместились на дистанции променада. Не то десант пришельцев на воздушной подушке, не то кладовая сорокопута. Покойно улыбались, жмурясь солнышку.

Медсестра обошла гирлянду с пачкой «Беломора», вставляя каждому в рот папиросу и поднося спичку. Семь струистых дымков пихнулись в воздух, как пробный выдох отдыхающей гидры.

Назрел момент приятной, необременительной беседы, которая выразила бы все очарование бытия в простых и небанальных словах.

– Не тот стал беломор, – сказал один, закусив мундштук

в углу рта.

– Дрянноват, – согласился другой.

– Да, был когда-то знаменит ленинградский, первой фабрики имени Урицкого, – вздохнул под березой крайний.

– Ага, Моисей Соломоныча, начальника питерской чеки.

– Да при чем тут Соломоныч!..

– А все испаскудили.

– Кубинским табаком набивать стали, – донесли с другого конца проволочного телеграфа.

– Фиделю его в зад набить, пусть сам курит.

– Что б ты понимал, гаванские сигары самые дорогие в мире. Их там девушки на ляжках катают.

– И высоко катают? А если волосок попадет? Им что, больше нечего на ляжках катать?

– Да погодите вы! При чем здесь какой табак, если там веревочки и щепки попадают.

– Вот и я думаю, откуда бы у кубинских девушек между ляжек щепочки с веревочками?

– Слушайте сюда, вы. Просто стали табак кидать в мельницу прямо с упаковкой, если только веревочки и бумажки, так это хоть тюки из ящичков вынимают, а если щепочки – так прямо вместе с фанерными ящичками. Смелет – и ладно. Точно!

– Естественно. Экономия труда и сырьевые резервы.

– А навар – в карман.

– Не нравится – не кури. А другим удовольствие не порть.

– А ты что – цензура? Или да – у тебя ж это единственное удовольствие.

– А нечего на все критику наводить, – назидательно отвечала старая голова. – Болтается тут на всем готовом – и туда же.

– Теперь еще про партбилет скажи, – подначила соседняя голова № 4.

– Пацан ты еще. Жизни не видел.

– Вот из-за таких, как ты, и не видел.

– Из-за таких, как я, ты устроен тут, как рождественский гусь на откорме. А то б уж давно подох.

– Да уж, таким как ты я своим счастьем и обязан.

– Ну и виси тихо, обрубок.

– От старый обосрух!

– Э, э, мужики, вы чо? кончай лаяться!

– Щенок лается, – спокойно цыкнул старик.

Ответно стараясь не унижаться раздражением, № 4 повернул лицо и с видом равнодушия сплюнул окурок, не попав в его рюкзак.

Старик пожевал собственную скурившуюся папиросу, потянул во рту слюну, обведя ее языком вокруг мундштука, и с пневматическим звуком послал в рюкзак соседа. На тонком теплом брезенте затемнело влажное пятнышко.

– Попал, – констатировали из цепи.

Слегка побледнев, оскорбленный плюнул на рюкзак обидчика. Зрители тянули головы, следя за поединком. Ссора

взорвалась. Ругательства кипели на трясущихся губах врагов. Плевки, единственное доступное оружие калек, поражали воздух мимо лиц.

– Тцть-цфу!..

Они резко, в неумелом уподоблении удару змеи, выбрасывали головы, стремясь увеличить скорость и меткость. Раскачивались, ловя помогающий момент инерции.

Наконец, старик выждал паузу, с вязким храпом потянул в рот из носоглотки, собрал внутри щек, и с отрывистым щелчком метнул в цель. Противник не сумел уклониться, и над правой бровью ему вlepился комок зеленоватой слизи.

Победитель еще секунду не верил – смотрел: вспыхнул счастьем и торжествуя захохотал, разевая черную пасть, злорадно, упоенно.

Оплеванный помертвел. Челюсть его отвисла, веки прикрылись. Зловонная харкотина медленно сползала со лба через бровь. Теперь смеялась вся прогулка и обменивалась комментариями.

Потом рот его сжался, зубы скрипнули, кадык дернулся и задавил короткий скулящий кашель. Под ресницами блеснуло.

Безрукий и безногий людской огрызок висел с плевком на лице под ласковым солнышком и бессильно плакал, беззвучно, безнадежно.

Этот человек – я.

Глава II

Ночью в саду поет соловей.

У человека, который придумал, что утро вечера мудреней, наверняка был при себе полный комплект конечностей и устойчивая психика. Наше утро начинается как раз с вечера.

После отбоя (если не дают снотворного) мы полудремлем, дожидаясь первого извещения: тихого присвиста, краткой трели – настройка голоса. Увертюра крепнет, развивается в мелодию; мы открываем глаза и лежим, дыша тихо.

Луна сияет над миром и льет серебряный свет на недвижные ветви. И чарующая музыка улаживает наш слух. Приятно думать об этом именно так. Полноценностью жизни сейчас мы уравнены хоть с флибустьерами: кроме слуха все равно ничего не нужно.

Понятно, большой камень в пустоте отражает излучение комка огня в той же пустоте. А серый маленький птичек, пока его самка насиживает яйца, издает свои птичьи звуки. А все-таки приятно. Всю зиму мы ждали, когда прилетит наш соловей.

Кстати о соловьях. Маша прихлопнула на кухне нашего шмеля. Сама проболталась. Зараза... хочется уснуть с умиротворением, вспоминая хорошее. Но не всегда это удается.

...Пробуждение начинается с того, что Старик – Лев

Ильич – кашляет. Он клекочет, как орел, и булькает, как лягушка, бронхи его трещат и поют на манер гармошки под сапогом драчуна. Ну и, спрашивается, с какими чувствами должен встречать человек новый день под такую сонату зверинца? Что называется, были б ноги – ушел бы на фиг куда глаза глядят. Курить он хочет. Курить ему пока не дадут. Могли б, конечно, и дать. Тут все курящие, протестов насчет заботы о здоровье товарищей не поступит. Да и на хрена товарищам такое здоровье. Больше удовольствий – короче мучение. Кому охота внимать его руладам. Пусть лучше заткнется папиросой.

Мы однажды поставили вопрос, что такое пробуждение с самого утра портит нам настроение, а это, как известно, отрицательно влияет на пищеварение и сказывается на отношениях внутри коллектива. И Старика смастерили кальян. Это был, конечно, не кальян, просто мы так его прозвали. Не такое уж хитрое устройство: по краю тумбочки вровень с подушкой закрепили зажигалку со шнурком и широкую пепельницу, на козырек которой клали несколько папирос. И Старик мог самостоятельно дотянуться ртом до шнурка, дернуть, зажигая огонек, взять в губы папиросу, прикурить, положить на место, снова дернуть шнурок, гася зажигалку, – и спокойно сосать себе и дымить сколько влезет. На дно пепельницы наливали чуток воды, чтоб окурок верней гас, если сдвинуть подальше.

Старик балдел не столько от курения, сколько от приви-

легии. При улыбке он выставлял свой зуб так, словно это был бриллиант «Орлов». Палата раскололась завистью. Жора и Мустафа потребовали себе тоже курения в любое время. Чех произнес речь о равенстве. А Каведе возбуж, что должен быть порядок, мы все-таки не в курилке живем.

Маша тоже была против: она на ночь проветривает помещение и отвечает за наше хорошее самочувствие. А чего ж тут проветривать, если все равно спать в дыму, а у нас и так часто головные боли (гиподинамия, горизонтальное положение). Но начмед питает к Старикау слабость, они любят порассуждать о романтике революции, и приказал вопрос закрыть.

Через две недели Старик, разумеется, заснул с папиросой во рту и прожег дыру в подушке. Он вскинулся и заорал от того, что прижгло щеку, пытался скатиться с койки, поднялся переполох, вбежала разъяренная заспанная Маша, злобно застегивая халат на все пуговицы, ликвидировала очаг загорания и дала Льву Ильичу по морде. Он затрясся и хотел в нее плюнуть, но она перевернула его мордой книзу и добавила звонкого леща по затылку. Мысленно мы ей аплодировали! «Есть взрыв! Третий аппарат – пли!» – вопил Жора. «Вот тебе кишки-то штыком в семнадцатом году не выпустили», – прохрипел из подушки Лев Ильич.

На этом курительный эксперимент кончился. Льва Ильича на неделю оставили без сладкого. Это было жестоко, он извелся и даже плакал, а потом какое-то время вел себя как

шелковый. С тех пор прошло уже несколько лет. И по утрам нас будит его кашель.

– Рота, подъем! – Это означает, что Мустафа проснулся не в духе. Опять ему война снилась. Иногда он помнит свои сны, иногда нет, иногда орет ночью благим матом. После удачной же ночи он мурлычет: «Господа офицеры – простите-с: утренняя побудка. Желающие на зарядку – выходи строиться: форма одежды – с обнаженным торцем».

И только Гагарин просыпается не раньше, чем Зара включает радио. Черная коробочка на беленой известковой стене пищит «последний, шестой сигнал» и исполняет Гимн Советского Союза, переходя к последним известиям. Известия извещают, что все сеют, пашут, строят и производят, страшно при этом радуясь. Зара открывает форточку и вносит стопкой эмалированные судна. Судна мечены, она подкладывает каждому свое.

(Когда-то из-за этого возникали скандалы. Смешно, однако у нас обострены брезгливость и чувство собственности. Ходить на чужой горшок неприятно. Мы стремимся максимально обставить свой быт какими-то личными приметами и вещами. Мелочи приобретают огромное значение. Через них мы утверждаем свою индивидуальность. Это знакомо всем прошедшим армию или тюрьму. Для нас личный горшок – как для кого-то личный автомобиль.

Поэтому, когда в палате делали ремонт, Жора сговорил за обеденный компот и две папиросы солдатика из спецстрой-

бата. И тот отлил ему в жестянку коричневой эмали, которой покрашен пол, и дал самую маленькую кисточку; тайком приволок горшок и установил все на обеденный столик. Два часа Жора, держа кисточку в зубах, трудолюбиво рисовал на синей эмали коричневую подводную лодку.

Как всегда в таких случаях, вспыхнула повальная эпидемия. Гагарин зеленой краской, ею покрывали нижнюю треть стен, изобразил себе на своем судне космическую ракету. Всех переплюнул Кавезде: на него снизошло вдохновение, и желтоватой «слоновой костью» он создал профиль Дзержинского, добившись сходства. Лицо у него при этом было серьезное и торжественное – это с кистью-то в пасти! Чувства юмора он лишен напрочь: мы хохотали до колик.)

Под бодрую музыку, в свежем дуновении из фортки, мы завершаем утреннюю оправку. У Кавезде опять не получается. Зара ставит ему клизму.

– По самые гланды, – удовлетворенно комментирует Чех. – Да задвинь ты ему разок туда паяльник – узнает, как скрывать что-то внутри от советской власти.

– Учись, пока я жив, – обращается Жора, и с раскатистым упругим звуком опрастывается. – Примерно так. Можно лучше.

– Жорка, перестань хулиганить! – притворно ворчит Зара. – А вот оставлю тебя без горшка, будешь у меня терпеть до обеда. Или под себя.

– Это дело нам привычное, – подмигивает Жора. – В под-

водном положении – галльон продуть и закрыть.

– Вот и будет тебе... подводное положение.

Мустафа с деланой озабоченностью сообщает:

– Няня, я уже.

А Профессор выступает с заявлением:

– Что у нас сегодня на подтирку? Снова «Красная Звезда»? Никакого уважения к правам пацифиста. Требую «Литературную газету»: я должен отправлять также свои культурные потребности.

– Тьфу... жлобы... – сипит Старик. – Кто-нибудь из вас хоть был знаком с туалетной бумагой?

– А как же. На танцы ее водили, щупали.

– Это в которую туалеты заворачивают?

– А первое место в конкурсе заняла японская туалетная бумага: глотаешь таблетку – и все уже выходит упакованным в целлофан.

– Гагарин, расскажи, как ты в космосе в санчемо-данчик валил. Вот где мы впереди планеты всей: ни нянь, ни подтирки, сплошная гигиена.

Что естественно – то не безобразно, что не безобразно – то прекрасно. Стеснение давно забыто. Оправка – одно из наших главных дел, оно же развлечение и удовольствие – или проблема. Неподвижность ведет к атрофии мышц, слабеет гладкая мускулатура кишечника, кровь и лимфа застаиваются: атония кишечника, затруднение проходимости и геморрой с колитами обычны у лежачих. Так что день открывается

процедурой ответственной, и если все прошло гладко и удачно – сразу повышается жизненный тонус. Организм приятно ощущает освобождение от лишнего, здоровую легкость.

Нам бы, конечно, кисломолочно-овощную диету, но она уставами не предусмотрена. Не кинозвезды. Зара рвет газету и подтирает нас мятыми обрывками.

– Зарочка, извини уж... понос. Ну плохо я перевариваю этот рассольник. Может, огурцы подгнившие были?

Переходите к водным процедурам. Тазик, губка, – синее армейское одеяло откидывается на спинку кровати, рубашка снимается – в изголовье: влажная прохлада проходится по телу, по складкам. Переворот на живот – и по спине. Хребет и под лопатками – вообще полный кайф. Если б я был миллионером, я бы нанял банщицу, и она терла бы мне спину два часа ежедневно. Увы, движения Зарины экономно отработаны: десять минут на всех... И великое спасибо. По распорядку нас положено мыть раз в десять дней. А могут хоть вообще не мыть. Правда, тогда мы будем им же вонять.

Подушки – к спинкам, сидячее положение, рубашки – на торс, одеяла – на место, полотенце – на веревку.

Чистка зубов. Семь тумбочек, семь стаканов, семь щеток, вода из чайника: поточный метод. Полощешь горло, отхаркиваешься в подставленное ведро, капля пасты из тюбика – несколько движений щеткой во рту. Полощи; плюй. Следующий.

Сидим, разговариваем. Хорошо. Зара бегло швабрит пол,

из окна аромат, атмосфера делается свежей. В хорошем настроении Зара может прикурить сигарету и дать каждому по две затяжки. Такое нарушение как бы не замечается, тем более что сигареты ее собственные, она сама курит – «Опал». Вроде поощрения нам за приличное поведение.

– Ну, мальчики, сдаю вас в полном порядке. Не хулиганьте тут без меня.

– Зарочка, когда ж нам и похулиганить, как не без тебя!

– Ой, разбаловала вас Машка.

– Так и ты побалуй. Мы ж со всей душой.

– Ну, уговорили. Завтра.

Захлопывается форточка, прикрывается дверь: день двинулся, потянулся.

Маша входит ровно в восемь: сияет и пышет.

– Доброе утро! – хором скандируем мы.

– Ах!.. – пугается она и пересчитывает по головам, – опять кто-то сбежал! Ну дезертиры... Бауман!

– Я!

– Матросов!

– Я!

– Юровский!

– Здесь.

– А куд-да вы на фиг денетесь.

Завтрак: овсянка, ломоть белого хлеба с маслом, стакан чая с сахаром. Армейская норма для ран-больных, первый стол. А каков стол, таков и стул. Если персонал не ворует –

жратвы достаточно. Витаминов, может, маловато, зато калорий – завались. Съедай мы все положенное, разъелись жирней бы рождественских гусей. Нормы-то рассчитаны в обрез, да на солдата, молодого и здорового, его гоняют в хвост и в гриву. А тут – уполовиненный лежащий организм. Поперли бока шире кровати – пайку могут урезать.

Это трагедия. Аппетит все равно плохой, но нарушение прав болезненно. И жаловаться некому. Мотивируют пользой: сердце будет хуже работать, жидкость застаиваться, склонность к отекам, воспаление легких... Э. Пока жирный сохнет – тощий сдохнет. Жуешь – живешь.

Кушаем мы так. Сценарий первый:

Сложечки. Руки у Маши ловкие, аккуратные... Одно плохо: она одна на семерых, поэтому глотать надо быстро, подчиняясь ее темпу. Завтрак и ужин – три минуты на рыло, обед – пять. Еще голоден, чувство насыщения не успело прийти – а уже губы вытерты и в желудке кирпич. И даже с такой скоростью – первый обжигается, а последнему достается простывшее. Поэтому ревностно блюдет очередь: семь дней по кругу.

Сценарий второй:

В гнезда кроватной рамы втыкается аэрофлотовский столик. К нему привинчены кустарные стойки-зажимы для миски и жестяного чайничка-поильника. Хлеб кладется рядом. Лакай, кусай, соси: хоть полчаса. Мы так поднаторели, что даже борщ убираем до капли, не пачкая щек и подбородка.

Но можно поперхнуться, а закашляешь – забрызгаешь постель, за это Маша наказывает.

Закономерности – какая пища дается на самообслуживание, а какую суют прямо в рот – нам уловить не удалось. Может, тут дополнительный умысел: чтоб нам было чем разнообразить ожидание ближайшего будущего – гадать. А может, просто Машина прихоть.

Иногда спрашивают, как мы хотим есть. Мнения обычно разделяются, и вопрос решается голосованием. Старик предпочитает лакать: он помешан на тщательном пережевывании (чем?), хотя чаще других закашливается. А Жора и Мустафа всегда за кормление: лишний раз Маша подсядет под бочок.

После завтрака и в хорошую погоду мы гуляем. А зимой – ближе к обеду, и только полчаса. Зимой нас кутают в ватники и шапки, а в рюкзак стелют сложенное одеяло. Шарфов, как везде в госпиталях и больницах, не полагается, и шеи заматывают нашими вафельными полотенцами с клеймом, как и на всех вещах: «в/ч 55418».

А в дождь или мороз мы читаем. Книга ставится на тот же столик, прислоняясь к стойкам. Страницы перелистываешь карандашом, держа его в зубах. Все книги старые, корешки размяты, и перелистывать легко.

Сегодня после прогулки нам включили телевизор. Чтоб быстрее отвлеклись после ссоры. Ссоримся мы часто. Естественно: замкнутый коллектив, однообразная жизнь, ограниченное пространство. Тут вопросы психологической сов-

местимости играют роль острейшую. А откуда ж у нас такая особая совместимость. Иногда жизнь готов отдать, лишь бы не видеть соседей. А порой – ближе родных.

По телевизору показывали «Сельский час», и Гагарин, конечно, стал разоряться, что загубили показухой целину, а начинание было хорошее! После отрывания четвертой лапки блоха не теряет патриотизм. Больше всего мы любим американские сериалы.

Маша велела нам мириться, не то накажет и оставит без сладкого. Такой угрозой можно добиться чего угодно. Наконец, Старик пробурчал, что был неправ и извиняется... Даже предложил после обеда сыграть в шахматы. А поскольку он у нас чемпион, это следует расценивать как крайнюю степень раскаяния и миролюбия.

И после обеда Маша посадила нас в его кровати друг напротив друга, заложив мне за спину табуретку, и расставила на столике шахматы. Мустафа поспорил с Чехом на сахар к вечернему чаю, что я проиграю до тридцатого хода. Старик отдал мне белые и избрал защиту Каро-Канн. Это медленный гамбит: он явно поощрял меня держаться подольше. Я продержался два часа сорок минут, и получил уважительный мат на тридцать шестом ходу. А мог бы раньше.

Фигуры мы двигаем тоже карандашами. Сгрызенные меняют.

Телек начал «Вести», и мы с дрожью подгоняли часы, хотя Маша со сладким никогда не задерживается.

.....

Мы самовары. Самоваром называется инвалид, у которого по самый корень нет рук и ног. Это, наверное, потому, что получается такая чурка с краном внизу.

Мы здесь уже много лет. Наши родные думают, что мы давно умерли.

Это секретный госпиталь для таких калек. Мы не знаем, где мы находимся. Их довольно много по стране. Они расположены вдали от жилья и дорог, укрыты от людских глаз и совершенно изолированы от внешнего мира. Они не фигурируют ни в каких сводках и отчетах и не упоминаются ни в каких докладах. Люди делают вид, что нас нет. Хотя любому понятно, что мы есть.

Когда-то нас здесь было много. С годами делалось все меньше. Теперь осталась одна наша палата. Иногда мы строим предположения, куда девают остальных. Но говорим об этом редко, вполголоса и с опаской. Трудно сказать, откуда появилось чувство, что разговоры на эту тему запретны и опасны, но мы знаем это совершенно твердо.

Через неделю нас всех ликвидируют.

Глава III

Первой опустела палата № 6.

Их сформировали в 59-м году. Этому предшествовал XX Съезд, разгон антипартийной группы с примкнувшим к ним

Шепиловым, Молотова загнали послом в Монголию, и миндел курировал первый зампред Совмина Микоян.

Двадцать седьмой бакинский комиссар, удачно увильнувший от знаменитого расстрела, продержавшийся на плаву от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича, знаменитый умением проходить в дождь без зонта сухим между струй, славный сын армянского советского народа Анастас Иванович Микоян был очень умным, очень хитрым и очень предусмотрительным. Именно при нем иностранные дела пришли в наилучшее состояние – советская экспансия достигла своего апогея: алый знак доблести взвился в сердце Французской и Португальской Экваториальной Африки, подаривший Индонезии 2-ю эскадру Тихоокеанский флот бункеровался в Джакарте, атомные подводные ракетноносцы базировались на Каир, а советские специалисты в неброских серых костюмах закусывали говяжьей тушенкой в Бомбее. Именно тогда восходящий красавец-молдаванин Брежнев со свойственной ему чеканной дикцией сформулировал: «Нам нужен мир! И желательно – весь».

Королёвская команда уже сделала баллистическую ракету под водородную бомбу. Ракета была огромна, сложна и дорога. Выведенные ею на орбиту Белка и Стрелка отпищали свое. Коэффициент удачных пусков на коэффициент реальной точности попадания давал 0,21. Несравненно надежные Б-52 висели вдоль наших границ с термоядерным комплектом на борту. Сменивший на Минобороны Жукова мар-

шал Малиновский неистовствовал. После очередного разноса Королёв запивал пузырек валерьянки бутылкой коньяка и шатался меж щитовых домиков Байконура, сотрясая ночную пустыню воплями: «Космос не терпит импотентов!!». Летучие взводы его любовниц дополнительно бесили сторонника единоначалия и моногамии Малиновского, с военной прямотой желавшего сосредоточения всех сил и средств исключительно на заданном направлении.

Но генералы похаживали, как Наполеон перед брюмером. Уравновесить небезопасные амбиции было нечем: чистка абакумовско-бериевского КГБ выкрошила слоеную зубчатку грозного аппарата.

Хрущев побаивался военных. И правильно делал. Он знал кое-что о довоенном Заговоре маршалов. Армия не одобряла шельмования Сталина и сожалела о снятом Жукове.

Хрущев призвал на дачу Микояна. Они сели в плетеные креслица за стол в тени яблони. Хрущев пил водку и закусывал нежнейшим украинским, в розовых прожилках, салом, шпигованным чесноком. Микоян смаковал коньяк, отделяя мандариновые дольки.

Генералов следовало осадить. Чтоб знали свое место. И были на этом месте заняты и довольны: преданны!

– Не отдал бы муд-дак царь Аляску американцам – проходили бы Канаду танками в пять дней, – сказал Хрущев, промакивая губы тыльной стороной ладони. Микоян понимающе шевельнул смоляными, без седины, усиками.

– Мексиканцы не любят гринго, – продолжил он тему, опуская ясные логические звенья и подходя к предмету с противоположной стороны. Как бы помогая замкнуть врага в клещи.

– А ты кто? Впрочем, ты армяшка... А я, хохол, тоже гринго. Эх, двинули бы им в сорок пятом! Кто нам тогда в Европе мог противостоять? Разве была у кого-нибудь еще такая армия – огромная, закаленная, с таким опытом? И ведь было, было же такое негласное указание – прощупать слегка союзничков на вшивость!.. под марку выравнивания демаркационной линии. Разок-другой сунули им слегка... разве это немцы! ты что... не вояки.

– Говорили ж тогда военные. И какой момент был...

– В две недели докатывались до океана! И никакого Франко!

– Вся Европа была бы сейчас наша. Эх, если бы хозяин еще слушал иногда кого-нибудь – цены б ему не было. Громя огнем, сверкая блеском стали... – напел Хрущев. – В огонь и в воду!

– Бомба, – деликатно напомнил Микоян.

– Хиросима, – согласился Хрущев. – Бомбардировщик на двенадцати километрах дошел бы до Москвы спокойно. Мда. Засели за океаном! суки зажавшиеся.

подавальщик в крахмальной куртке, беззвучно вдавливая штилеты в газон, принес дымящуюся гречневую кашу со шкварками и сменил степлившийся графинчик на запотев-

ший.

– Фотозонды запускают над нами с Турции, – наябедничал Хрущев, жуя гриб.

– Штык-то русский им не выдержать, – с артистичной искренностью произнес Микоян и, подумав, под кашу, налил себе тоже полрюмки чистой.

– А ты дотянись им, штыком. – Хрущев зло шлепнул комара на лысине и хлопнул две подряд. – А вискарь дерьмом рядом с водкой, носками пахнет.

– А не пригласить ли нам третьего, для компании, так сказать, Никита?

– Два ума – хорошо, а три – уже пьянка. Ты кого имеешь в виду?

– А кого-нибудь помоложе, пообразованней нас, стариков. Хоть того же Шурика Шелепина.

– Сноровистый пацан... ну-ну. Он тебе, значит, уже удочки закидывал? Лих.

«Железный Шурик», сорокачетырёхлетний Шелепин ломился наверх. Студентом проходя с демонстрацией через Красную площадь, он сказал друзьям, кивая в сторону вождей на Мавзолее: «Я еще буду там стоять». В 38-м, секретарь Краснопресненского РК комсомола, он вручал билет Зое Космодемьянской. В черном ледяном декабре 41-го, уже глава МГК РКСМ, он лично организовал похороны героини и создание легенды. В 58-м был поставлен вместо убранного генерала Серова руководить КГБ.

Всегда готовый ко всему Шелепин захватил с собой начальника ПГУ – пусть посидит за дверью, вдруг понадобится конкретность. Начальник ПГУ захватил с собой начальника аналитического отдела. Начальник аналитического отдела захватил с собой портфель с картами.

Карты были раскрыты, карты были сданы.

К закату Хрущев пришел в приятное возбуждение. Глазки его искрились. Энергичный ум, быстрый и цепкий, взвешивал детали.

– Соображаете, значит, что-то... молодежь! – Поощрительно улыбаясь, заплеснул водочной волной Аргентину, утвердил локоть на Атлантике. – А мулаты все эти – несерьезный народ, шebutной, им бы только бабу за жопу и плясать под гитару... налей им, Шурику налей, заслужили. Будь здоров, генерал!

Хлопнул по Панаме:

– Завтра в десять – ко мне. Свободны. Анастас – Устинов тоже пусть будет. Вояк не надо. Им потом скажут.

Работать вечером он не любил. По старой крестьянской привычке, вставал рано. Кто рано встает, тому Бог подает. Память о ночной жизни под хозяином была ему несносна.

Решения принимались по утрам – трезво и резко. Через сутки он подписал директиву. Деньги рачительно взял из бюджета МО. В четверг на еженедельном рабочем заседании Политбюро утвердило создание Кубинского отдела, засекретив протокол высшей категорией в шесть ромбов.

В Институте военных переводчиков объявили дополнительный набор на испанское отделение. Одновременно создали группы переводчиков на испанской филологии Московского и Ленинградского университетов. Форсированную, с практической направленностью, программу склепал старый интербригадoveц, зав романской кафедрой ЛГУ одноглазый профессор Плавский.

Со скрежетом ГРУ передало КГБ законсервированные досье на семьи испанских эмигрантов в СССР. Шелепин наматывал вожжи.

И стал, наконец, вспомнят, срочно обменян и вытащен из мексиканской тюрьмы, награжден Героем Советского Союза и приписан консультантом при «пятерке» ПГУ непроницаемо-легендарный и как бы не существующий полковник Меркадор.

Если бы в американской контрразведке работали столь же знающие свое дело ребята, как восхитившие Хрущева невадские кукурузоводы, то они бы (и контрразведчики, и кукурузоводы) покрылись холодным потом. Но они сидели под своими кондиционерами в своем Вашингтоне, вальяжно спустив узлы галстуков, и самодовольно расчерчивали графики полетов высотных разведчиков У-2 над СССР, за госзаказ на каковые самолеты «Локхид» и совал баснословные взятки Пентагону. Только наивные отпрыски технократии могли полагать, будто фотоаппаратура с высокой разрешающей способностью способна фиксировать боевые приготовления

бульдогов под ковром.

Куба их не колыхала. Бордель с бухлом и казино: банановый остров расслабухи. Если Кастро хочет сесть на место Батисты – это их проблемы. Режиму полезно освежаться. А у латиносов, склонных понимать демократию исключительно как отмену платы в борделе с дармовой выпивкой, перевороты – единственная форма освежения заворовавшегося госаппарата. Ну, пусть постреляют друг в друга, кому с того вред: житье у них скучное, развлечений мало – работать они не любят, читать не умеют. Новая метла хоть поначалу выметает немного мусора.

Тем более что Батиста – жадный проходимец, а Кастро – образованный молодой человек из хорошей и уважаемой семьи. Меньше нищих, возможно, будет приставать к туристам, меньше триппера будет у проституток.

Так докладывали информаторы, и докладывали они сущую правду. Двадцатилетний Фидель был полон самых благих намерений, чистых и безвредных.

Таким образом, очередной переворот в очередной банановой республике завершился всенародными плясками самбы, приветствовавшими нового диктатора, молодого и красивого, образованного кабальеро и огненного оратора.

– Вива команданте Фидель! Вива команданте Камило! Вива команданте Че!

Что вива, то вива.

Вот тут-то, хрен им всем в глотку чтоб голова не бол-

талась, со вторым из возобновленных рейсов «Канадиан Аирз», с паспортом аргентинского бизнесмена Бенхамин Сормьенте, прибыл в Гавану лично генерал ГБ под крышей секретаря МИДа СССР Верижников.

У него были серьезные предложения о крупных поставках дешевого мяса и закупках сахара. Из намеков можно было понять, что в прейскуранте найдутся и более полезные для режима продукты различного калибра и скорострельности.

Бизнесмен заботился о конфиденциальности. Новое правительство еще не было признано Аргентиной. Он поселился в пустом «Хилтоне» и грамотно вышел на встречу с не самым заметным лицом молодого государства – братом Фиделя Кастро Раулем. Братец ведал порядком и внутренней безопасностью. Информация об его ведомстве была собрана в Москве наиболее полно. Не один наш человек в Гаване трудился на благо славной революции; естественно.

Юный министр отвел для встречи полчаса и закончил ее через двое суток. Сеанс коррекции политико-экономических взглядов прошел успешно. Маленькие глазки министра разинулись шире пределов, назначенных природой. Безбрежность перспектив не вмещалась в окоем. Широкие карманы маскомбинезона явственно оттопырились.

– Вы понимаете, как занят сейчас команданте Фидель, – значительно сказал он. – Он работает по двадцать часов в сутки. Я постараюсь, чтобы для нас он нашел время.

Спесивая блоха, хмыкнул про себя Верижников. Вы слы-

шите: нет времени протянуть руку за безразмерной халявой... еще будете у меня в приемной в очереди сидеть.

Верижников поехал отсыпаться. Рауль рванул к родственничку.

После съесты черный батистовского гаража крайслер вкатился под охраной виллиса с автоматчиками в раздвижные ворота правительственной резиденции. Несерьезно-гордые барбудос в пропотевших зеленых куртках эскортировали визитеров через мозаичный двор и паркетные коридоры в необозримый кабинет и затворили белозолоченые лепные двери.

Фидель работал за столом. С затыжкой он воздвиг свои сто девяносто два сантиметра и протянул загорелую лапу. Поставленный взгляд Верижникова выражал величие миссии.

Этим взглядом он обвел помещение, пока хозяин лично, у народных вождей слуг нет, смешивал хайболлы и раскрыл ящик огромных черных сигар своей любимой марки «Партагас Эминентес».

– Мои люди все проверили, – гарантировал Рауль отсутствие аппаратуры прослушивания, которую американская разведка могла всадить в кабинет еще Батисте.

«На природу бы, на морской бережок... да не тот уровень, статус не позволяет».

– Простите гостю, – извинился Верижников. Кивнул на телефоны, светильники.

Фидель шевельнул бородой, заорал. Вошедшие барбудос

деловито вырвали провода, унесли люстру. Фидель нахмурился. Сказал, улыбнувшись:

– Нам не нужна роскошь.

Он начал раздражаться, глядя на обнюхивающего взглядом картины и выключатели Верижникова, и только мысль, что подобная дурацкая бесцеремонность чревата чем-то необычайно сверхважным, удерживала его, чтоб не вышибить гостя за дверь пинком рифленой армейской бутсы сорок шестого размера.

Строго говоря, Рауль его уже окучил: информировал. Но Фидель был прирожденным лидером: не верил никому, и во всем должен был убедиться лично.

Верижников начал с оружия. Революциям всегда нужно оружие. Поставки в любых количествах и на самых льготных условиях. Беспроцентная рассрочка, в обмен на сахар-сырец.

– Какое оружие?

– Из легкого стрелкового – чехословацкие автоматы «26» под маузеровский патрон и чехословацкие пистолеты под тот же патрон.

Рауль кивнул. На боку его болтался короткоствольный «боло»-маузер, предпочитаемый всему другому.

– Я не люблю пистолеты, – сказал Фидель. – Их часто заедает. Это городское оружие для чистых квартир. Народным бойцам нужны простые, неприхотливые машины.

– Чехословацкие оружейные заводы «Шкода» – лучшие в

Европе. Во время II Мировой войны они производили всемирно знаменитые немецкие пистолеты «парабеллум» и автоматы «шмайссер». Сейчас они делают и револьверы, точно как у Кольта, но лучше и дешевле.

– Какого калибра?

– 38 спецл и 357 магнум.

Этот, начальный момент переговоров, зацепка, тщательно проигрывался аналитиками. На выбор могло быть предложено аргентинское, бразильское, испанское оружие – дешевое, но ненадежное (плюс приходилось тратиться на перекупку-продажу). Советским оружием светиться не следовало.

«Пацаны-революционеры – их главное: купить красивыми трещотками, на это они клюют сразу, как дети на мороженое. Это ж латиносы, им дай только попалить вволю».

– Образцы доставят самолетом в любой день.

– Маузеры у них тоже есть, – сказал Рауль. – Точно такие.

– А патроны?

– В любых количествах. Нет проблем.

– Откуда? Чьи?

– Чехословакия, Польша, Китай, СССР. Под этот патрон сделан советский автомат ППШ и знаменитый пистолет ТТ, стоящий на вооружении многих стран. Максимальная пробивная сила.

Регион, лагерь был обозначен. Без лишнего акцентирования.

Спокойно, со вкусом профессионалов они побеседовали о пулеметах, о легких минометах, столь незаменимых в горной войне; о вертолетах для патрулирования и десанта, о легкой бронетехнике и необходимом ей горючем.

Верижников плавно развивал взаимное вежливое понимание:

– Дешевле обойдется сырая нефть с переработкой прямо на Кубе. Строительство нефтеперерабатывающего завода даст новые рабочие места, поднимет благосостояние населения. А собственная промышленность позволит не зависеть от других государств.

Разговор естественно перетек в следующую фазу: благо народа.

– Становление новой власти всегда связано с трудностями. Уничтожение коррупции вызывает саботаж старых кадров, а новые еще не обрели квалификацию и опыт. Период экономического спада тут неизбежен – через это прошли все государства. А люди хотят есть каждый день. Сытый желудок – он лучше всего убеждает простых людей в преимуществе строя.

– Мы – народная власть, – сказал Фидель. – Все, что делается – для народа. Он это понимает и поддерживает нас.

– Безусловно. И реальные плоды вашей правоты могут быть очевидны уже завтра. Важно быстрее пройти первый этап, наладить хозяйство. Хлеб и мясо могут быть уже сейчас. В количествах, достаточных для нормального питания

всех.

– Аргентинские? – выдерживая видимость игры, спросил Фидель.

– Экономически выгоднее советский хлеб и китайское мясо.

Фидель кивнул, подумал. Сложил морщину на лбу:

– Это потребует хранения... переработки. Надо произвести расчеты.

– Безусловно. А после расчетов – строительство мукомольных и мясокомбинатов. Это требует как минимум времени... и средств. Пока можно поставлять готовую муку и тушеное мясо в консервах. Хранение – в любых портовых складах без всякого специального оборудования и дополнительных затрат.

Фидель помахал сигарой. «Во что же, в конечном счете, может вылиться стоимость этого всего? Мы им нужны... насколько?» Холодок кондиционера сдувал с огонька пряный дым.

Он поднялся и заорал в сторону двери. Решил:

– Мы все устали! Давайте-ка прокатимся и перекусим.

Втроем сели в лимузин – Фидель на заднем диване, Рауль с Верижниковым напротив. Джипы охраны замкнули кортеж.

Вечерняя Гавана веселилась на улицах. Попугаи трещали в резных пальмах, контрастный закат сдвигался за горизонт. Теплый морской воздух шевелился в окнах, не освежал.

С освещенной набережной свернули в трущобы. Включенные фары выхватывали из фиолетовой мглы фантастический пейзаж: жесть и картон.

– Вот так живут у нас простые люди, – показал Фидель. – Нужно много сил и много денег, чтоб стало иначе. Мы только начинаем.

Верижников вздохнул; отозвался:

– У вас хоть нет страшных северных зим. Кое-где... бедняки рыли жилища в земле, как звери. А сейчас живут в светлых квартирах со всеми удобствами. Простые трудящиеся.

– Вы знаете, сколько стоит жилье в Гаване?

– Были созданы самые дешевые в мире домостроительные комбинаты. Дома делают на конвейере – быстро, как автомобили. Бетон, никакой лишней роскоши. Но – электричество, канализация, ванная с горячей водой. Да еще центральное отопление: дома плюс двадцать – когда на улице минус сорок. А на Кубе не нужно отопления – обойдется куда дешевле.

Фидель хмыкнул в темноте салона, пахнувшей дорогой кожей.

– Это прямо как сказка.

– Есть у одного народа такая песня, – Верижников стал переводить на испанский: – Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...

– Это у какого народа?

– У русского...

На перекрестке остановились у жаровни – толстая негритянка замерла над ней. Выскочившие из машин солдаты выстроились кругом. Фидель сел на сломанный ящик, жестом пригласил Верижникова на соседний. Тот лишний раз позаиводвал практичности комбинезона: его белый костюм промок под мышками, а теперь еще задница будет грязной от этого ящика; а в запасе остался последний, третий, костюм, а прачечная в отеле не работает; и не факт, что завтра где-то удастся купить новый... причем на собственные деньги. Черт бы подрал эту игру в народность.

Ели жареные на решетке ломти марлина, дую на пальцы. Рыба была жесткой. «Ладно, нет канализации, но сортиры-то можно элементарно выкопать? Жрать в такой вони...» Доев, Фидель вытер жирные пальцы об ящик. Верижников достал уже платок, но последовал его примеру, а платком вытер лоб.

За оцеплением уже звенела гитара, чумазые дети, сверкая глазами в отсветах огня, плясали пачангу:

– Приятного аппетита, Фидель!

Верижников раздал им мелочь. Самому старшему подарил авторучку и погладил по голове. Пустил по солдатам полпачки сигарет, в благодарность приняв похлопывания по плечу.

На обратном пути он с дозированной сентиментальностью рассказал о бесплатной медицине и самой низкой в мире детской смертности. Подташнивать перестало.

В кабинете Фидель отпил кофе, отставил чашечку – рубанул воздух: произнес речь. Он гремел о справедливости и всеобщем процветании, этой единой и святой цели революционеров всех стран.

Он ораторствовал сорок восемь минут. Пыл и речистость были известны. На митингах говорил по четыре часа, прославленный оратор самовозбуждался, заводя толпу – единый крик поддержки! единый выброс кулаков вверх! – оцепление пропускало на площадь всех, не выпуская обратно до конца речи никого.

Верижников расслабился, отдыхал. Рыба повела поплавок. Учитесь, как ловить большую рыбу, хемингуи! Это вам не акулу с лодки удить.

Дождавшись конца водопада, серьезнейше коротко поаплодировал, поправил галстук и встал. Эмоциональная кульминация:

– Мы приветствуем не только кубинскую революцию и ее лидера! – объявил он. – Мы приветствуем авангардный отряд революционной борьбы всего американского континента! Новую, знаменательную победу – неостановимого социального прогресса человечества! Да здравствует Остров Свободы!

Речь его составил специалист по латиноамериканскому фольклору. Редактировал доктор психологии. Он был грамотно подготовлен к переговорам. В случае неуспеха его ждала, вероятно, отставка.

Он сказал о Боливаре, об альбатросе, о грудях всего мира, теснимых восторгом. На грудях на миг он представил грудастую голую мулатку с раздвинутыми стройными ногами, изгнал импульсом воли неуместное видение – и с тем же накалом перешел к счастью трудящихся, гибели врага-империализма и поддержке всех честных стран мира.

«Не пересолите с патетикой. Доходчивы – контрасты».

«Остров Свободы» – это прозвучало хорошо, произвело впечатление: эффект. (Назавтра же было перенято Фиделем, пущено в революционную фразеологию в речи на двухсоттысячном митинге на площади Марти.)

Вехи были обозначены.

Договаривающиеся стороны перешли к делу.

Куба получит все. Оружие, топливо, продовольствие, промышленность. Благодатнейший климат, неограниченная поддержка всего соцлагеря – уникальные условия: именно здесь можно построить коммунизм за несколько лет. Маяк планеты. Фидель войдет в историю. Варшавский договор, ООН, мировая политическая элита.

Буэно. Но бесплатных завтраков не бывает. Сегодня мы бедны, неплатежеспособны. Пора поговорить об условиях.

Вы – сказочно богаты. Долгосрочные беспроцентные кредиты, погашение – только продукцией: сахар, табак, кофе, мандарины – возьмем целиком по верху мировых цен, более того – по фиксированным ценам, это страхует вас от любых кризисов. Рыба. Аренда рыбного порта и консервного завода

под базирование советских траулеров. Аэропорт – обслуживание советских самолетов.

Но это пахнет полной экономической зависимостью лет на сто.

Экономическая независимость определяется условиями договора. Другу – все, врагу – только закон. (В самую точку вставил Верижников заготовленную испанскую поговорку!) Все знают – друзьям мы помогаем бескорыстно. Почему? Потому что с победой коммунизма во всем мире – все богатства всех стран будут принадлежать трудящимся. И осталось недолго! С нами – пол-Европы, Китай, Северная Африка, Корея, Вьетнам, Индия и Индонезия свернули на наш путь. Вот наша цель! И вот почему нам с вами по пути.

Но пока наша программа... была не совсем коммунистической...

Революционная ситуация меняется ежедневно и диктует новые – смелые, верные! – решения.

Еще неувязка: на Кубе уже есть коммунисты... мало, правда. Кажется, они еще даже не выпущены из тюрем... Делить с ними власть?!

Ерунда. Народ – за вами, и мы – с вами. А те – ревизионисты, леваки, раскольники... предатели. Провокаторы. Потому что скрытый, внутренний враг – опаснее явного, внешнего. Что делает революция с врагами и провокаторами? (Рауль задумчиво почесался.)

Но. Но. Америка не позволит строить коммунизм у себя

под носом. А силы наши слишком неравны.

Вот поэтому вы и не объявляли себя коммунистами раньше, чем возьмете власть – из тактических соображений, мудро улыбнулся Верижников. А в договор взаимопомощи можно включить военное сотрудничество – равное и обоюдное.

(«Мягко, очень мягко, на тормозах...»

«Военные базы. Наконец-то произнес.»)

При первой опасности мы можем поставить здесь такой ударный кулак, что Америка наделает в штаны! Кстати, аренда земли и зданий под... это дело... может идти в зачет кредитов.

Опасность – постоянна... Кто и как определит момент?

По вашей просьбе. Или при первом явном признаке агрессии.

(Через четыре месяца кучка «гусанос» пыталась десантироваться в Заливе Свиней, что послужило к началу строительства советских ракетных площадок и размещению контингента на Кубе. Знали бы обреченные «мятежники», что акция планировалась Лубянкой!..)

(Во исполнение статьи договора за последующие двадцать лет более тридцати тысяч кубинских солдат-негров погибли в «гражданских войнах» в джунглях Анголы и Мозамбика – по нашим планам за ихний коммунизм. Взаимопомощь так взаимопомощь.)

Никто не посмеет вас тронуть за нашей спиной!

– Такие вопросы требуют обсуждения только на высшем

официальном уровне.

– Я представляю правительство моей страны. Для официального подписания договоров может прибыть министр иностранных дел СССР. Далее вы будете приглашены с официальным визитом и приняты в Кремле как глава дружественного государства.

Во рту саднило от выкуренного. Часы с маятником в виде простертого орла пробили два. Верижников выказал намерение откланяться:

– Дальнейшие детали мы можем обсудить завтра.

– Завтра у нас обсуждение законов. Большая работа, – возразил Фидель. – Завершим основное сейчас. Зачем терять время?

(Хорошо, хорошо, хорошо работали аналитики ГРУ и ГБ!!!)

– Тогда – рюмку рома и еще кофе. – Верижников достал из нагрудного кармана трубочку бензедрина и кинул таблетку в рот: вздернуть мозги.

Вот так Фидель Кастро стал коммунистом.

«Уф-ф... Каждый банановый молокосос – мнит себя Наполеоном. Я бы правил этой страной по вторникам после обеда – без отрыва от службы».

...Вернувшись в Москву, он получил по второй звезде на генеральские погоны и Золотую Звезду Героя на грудь.

Министерства и ведомства советской махины начали наворачивать обороты: приступить к осуществлению плана

«Коралл».

Темпераментные кубинцы резво повернули к социализму.

Первым делом, ночью же после исторической встречи во дворце, Рауль Кастро со взводом охраны лично расстрелял кубинских коммунистов. Две компартии для одной Кубы – это излишество.

Раулю нравилось расстреливать. В первые же дни дружбы он получил в подарок от советского коллеги-советника портрет Дзержинского, испанский перевод «Истории ВЧК» и новый маузер – с перламутровыми щечками и надписью на золотой пластинке. Портрет он повесил в кабинете над столом, книгу положил на тумбочку при кровати, а из маузера тут же расстрелял забастовку гаванских докеров.

Получив известие, Рауль примчался в порт. За черным крайслером въехали два грузовика с автоматчиками. Докеров выстроили на пирсе.

Рауль подошел к шеренге. В отличие от старшего брата он выглядел задохликом – хилый, узкий, рыжеватый, со скошенным подбородком и совиными глазами.

– Ты будешь работать для революции? – ласково, дружески спросил он крайнего докера.

– Мы бастуем! – гордо сказал докер.

Рауль достал маузер, подышал на золотую пластинку, потерял ее об штаны, полюбовался игрой солнечного зайчика и выстрелил докеру в середину груди.

Докер вздрогнул, переступил с ноги на ногу и упал в воду.

Рауль сделал шаг вбок и улыбнулся следующему.

– Ты будешь работать для революции? – мягко повторил он.

Докер побледнел, косясь на маузер, и посмотрел на товарищей.

– Мы только хотели бы получить плату за прошлую работу, – сказал он, всячески показывая готовность договориться. – Нам ведь надо кормить се...

Рауль выстрелил и переступил шаг вправо:

– Ты будешь работать для революции?

– Да! – быстро и громко ответил третий докер. – Я хочу работать! Все хотят работать! Это было просто недоразумение!

– Я так и подумал, – согласился Рауль, подул в ствол и убрал маузер в кобуру. – Возвращайтесь к работе. Компаньерос! – обернулся он к солдатам. – Мы уезжаем. Предатели наказаны. Это наши люди, и они хотят работать для революции.

Суда шли в гаванский порт под разными флагами, но общий фон флагов был красный. Выгружались венгерские лекарства и белорусские тракторы, уральские станки и чешская обувь, качалась румынская нефть и ссыпался польский уголь.

А из Одессы шли транспорты с механизаторами – комбайнерами и трактористами. Трактористы строились на причале и колонной маршировали через город. Это были моло-

дые стройные ребята в одинаковых сереньких дешевых костюмах. Свободные пиджаки болтались на них. Иногда из-под пиджака падал со стуком на асфальт короткий десантный «Калашников». Приветствующее население встречало инцидент энтузиазмом.

Трактористы жили отдельно и с кубинцами общались мало. В городе показывались только группами по выходным. Их главным развлечением были поездки в такси. Таксистками работали девушки. До революции они были проститутками. Указ Фиделя искоренил позорное наследие империализма и дал им новую рабочую специальность. Пассажиров было мало, и цены упали до смешного: флакон одеколona, пара чулок, банка консервов. Кубинцы имели партнерш бесплатно, а денег на такси не имели вовсе. Симпатии таксисток к трактористам носили скорее политический характер.

«Не уважают... – жаловались, отслужив срочную, трактористы. – Говорят: вы бедные, и не умеете. Предпочитают негров».

А ночами в Калининградском порту грузились в трюмы и на палубы танки в контейнерах, истребители в пеналах, и еще сверхсекретные габариты генгрузов, о содержании которых портослужбы и вовсе не догадывались.

«Хрен ли эти америкашки, – говорили потом, когда все вскрыл карибский кризис 62-го года, калининградские грузчики. – Мы месяцами грузили ночь за ночью оружие на пароходы, и ни хрена они не знали... тоже, разведка у них, на-

зывается!..» – посмеивались презрительно.

И при загадочных обстоятельствах был убит в Камагуэе команданте Камило Сьенфуэгос, любимец народа и герой революции. Фидель умел политграмоте. Лидеру не нужны конкуренты. Один народ! – одна партия! – один вождь!

Успел скрыться в подполье последний герой, образованный и фанатичный Че Гевара, чтобы через время вынырнуть в Боливии и начать там все сначала, но был сдан американцам, которые теперь-то поняли, что к чему, и шлепнули его на месте.

А советский народ гневно требовал на митингах руки прочь от Кубы и восторгался: «Пальчики с маникюром гладят щечки нагана: такой мы тебя увидели, юность мира, Гавана!»

Скрытно и спешно оборудовались ракетные стратегические и зенитные дивизионы, а переводчики-испанисты получали офицерские зарплаты в учебно-диверсионных лагерях под Серпуховым.

Но к тому моменту ребята из шестой палаты, которые все это придумали и провернули, которые впервые в истории осуществили прорыв социализма в Западное полушарие, уже исчезли, и никто не спрашивал, что с ними стало.

Глава IV

1.

Адам родил Сифа. Сиф родил Еноса. Енос родил Каинана. Каинан родил Малелеила. Малелеил родил Иареда. Так оно и шло до поры до времени.

Но велик был год и страшен год от Рождества Христова 1918. И 19 не хуже. А также 20, 21, 22, 23, 24, и так далее; а хоть и в другую сторону – 17 был хорош, и 16, 15, 14, – что за чудо, просто прелесть этот грегорианский календарь. Кто такой Грегор? как сподобился создать календарь такой, что страшен, как вся наша жизнь? так, видно, никогда уже и не узнаю – спросить-то не у кого.

Но был год – начало нового, рубежного, дважды косым крестом по миру, века: и малиновый звон колоколов в метели, огни рождественских елок и визг снега под полозьями лихачей; и родился мальчик.

С днем рождения, старая сволочь, убийца.

Воощеный паркет, тепло голландских печей, седенький доктор, хлопотливая акушерка.

Горничная, Юсуповский сад, гимназическая форма, гирлянды над катком, дуксовский велосипед, надушенные записочки.

И – «Прощание славянки», в газетах списки павших, Распутин, Дума, сестры милосердия, посылки на фронт: Февраль! Отречение! Хлебные очереди! Красный цвет!

Свобода.

Равенство. Справедливость.

Кто в семнадцать лет не шел драться за это – тот дерьмо и ничтожество. Тот не был молод, того не жгла горячая кровь, глаза не блестели, не пела жажда жизни. Жалок тот, кто в семнадцать не имел идеалов. И не имел решимости стремиться к ним.

Лева Бауман ушел в революцию.

Советы, партии, социалисты, дезертиры: ветер. Был образован – писал обращения и листовки, разъяснял программу текущего момента, был втянут маховиком Гражданской войны: мандаты, разбитые поезда, вобла с кипятком, пулемет в тамбуре штабного вагона. Комиссарствовал, был ранен, кормил тифозных вшей, водил продотряд, командовал ЧОНОм.

Семья подалась из голодного промерзшего Петрограда на хлебную Украину, к родственникам, и сгинула в дыму Гражданской войны – а либо вырезали в погроме, либо успели откатиться в Польшу, Чехословакию или далее.

Товарищ Бауман был поставлен партией на хозяйственную работу, поднимал страну и рос вместе с ней, восстанавливал железнодорожный транспорт, за руку здоровался с Кагановичем и Орджоникидзе, ездил в Швецию и Германию закупать локомотивы, получил орден Красного Знамени, лич-

ный паккард, портрет Сталина в кабинете, стал директором Коломенского паровозостроительного завода.

Проснись, вставай, кудрявая, на встречу дня!

Поездки в Германию ему и намотали в тридцать восьмом. Неделя на конвейере, сапогом в пах, табурет по почкам – подписал: немецкий шпион. Десять лет.

Поставили его в лагере, новичка-дурачка, бригадиром на общие, и в первый же день блатные, которых гнал он с дурным директорским понтом работать, перебили ему ломом ручки-ножки, чтоб не докучал. Такое было бригадирское место.

Ну что. Организм истощенный, раздробленные кости не срастаются, обморожение, инфекция, гангрена – и отчекрыжили в больничке сердяге конечности под самый корень.

А за стенкой, в клубе, как специально, дети начсостава новогодний хороводик водят и поют:

– Срубил он нашу елочку под самый корешок.

И тогда только, впервые за много лет, залился Лев Ильич неудержимыми слезами. Плачь не плачь, а что еще делать... Жена в ОЛЖИРе, сын в детдоме под другой фамилией, и сам считай уже не существуешь.

Но тут как раз пошли обмороженные с финской войны, тысячами и десятками тысяч, зима знаменитая, и стали появляться первые спецгоспиталя для самоваров. А вначале всегда бывает неразбериха, вдобавок еще справедливый нарком Берия реабилитирует невинных жертв Ежова, и оказался Лев

Ильич первым пациентом нашего заведения. Отец-основатель.

И вот ведь что типично: сидел в лагерях – и ничего не понял! Ничего. Комиссар в пыльном шлеме – и все тут. Кличка «Старик» ему даже льстит – мол, как же, как у Ленина в подполье.

Особенно его ненавидит Жора.

– Ведь мы же в пионерах на вас молились! – шипит он. – Герои Революции и Гражданской войны!

– Молиться не надо. А без идеалов нельзя. Правильно верили.

– Что – правильно?! В тылу спецпайки жрать правильно? А мы: «Комсомолец – на самолет!» «Комсомолец – в военкомат!» А ты знаешь, что Жданову, жирному борову, в сорок втором году, в подышающем с голоду Ленинграде, клизму ставили, делали кислородное орошение толстого кишечника – еду в говно не успевал переваривать!

– И тебе клизму ставят, так что.

– Что?! А то, что я свой колит с геморроем на подводных лодках нажил. Профессиональное заболевание: в подводном положении галюны не продувают. Все и терпят. Днем, по крайней мере. Можешь демаскировать позицию, если кто сверху висит, и вообще воздух высокого давления на это расходовать запрещено. Его и так в обрез, потом нырнешь поглубже – и не продуешься, там и останешься.

– Вот то-то ты, видно, до сих пор не продулся. А лучше

б там и остался.

– Я там и так остался. А что спасся – так моей вины в том нет.

Как нам осточертели наши наизусть известные истории. А куда от них денешься.

Жорину лодку утопили в сорок третьем в Баренцевом море. Немецкий эсминец загнал их на банку и разделал на мелководье, как Бог черепаху. Глубинной бомбой разворотило корму, но переборки задраенных отсеков выдержали давление небольшой глубины, центральный пост и носовое торпедное уцелели.

В гробовой темноте затонувшей лодки живых осталось одиннадцать, оглохших и задыхающихся. Была надежда – аварийный запас сжатого воздуха для носовых аппаратов. Корпус тек, по пояс в ледяной воде, хрипя и считая время, дождались ночи и стали выбрасываться через торпедную трубу – по двое. Спасение кинули жребием, тянули спички из командирского кулака в пятне фонарика. Жора, старшина торпедистов, шел седьмым, в паре со штурманом. После них не вынырнул никто – воздух кончился.

– А одиннадцатый номер кому достался, а? Сашке Ермолаеву, моему младшему торпедисту, первогодку! салаге! Ему восемнадцать всего исполнилось! Крышку-то кто задраит, рычаг кто нажмет? последний нужен, смертник. А почему не командир – ведь морской закон, последнему покидать корабль? Ладно командир – а замполит? Он на что еще нужен?

«За Родину, за Сталина, не щадя жизни!» С-сука... И ведь не постыдился – во второй паре.

С сотого пересказа возникает такой эффект, что перестаешь слышать голос рассказчика, просто идет воображительный ряд. Теснота – только протиснуться, железные переборки всегда мокрые от фильтрации и конденсата, свет тусклый – экономия, от вечного холода коченеешь, лодка-то не отапливается. Зато у мотористов, когда идешь в надводном под дизелями – баня преисподняя, грохочущие дизеля раскалены (потом их же, списанные с лодок, ставили на первые советские тепловозы ТЭП-1). Все грязные, заросшие, на походе никто не моется не бреется, пресная вода – только для пищи. Вентили и гайки – в слое тавота, от неизбежной ржавчины, заденешь ненароком – и сам в жирной смазке. Влажная койка еще хранит тепло и вонь чужого тела – одна на троих, лежит в них только сменная вахта, нет места: по-английски эта система так и называется – «теплая койка». В дизельном они наварены прямо на блоки цилиндров: гром, тряска, духовка. Зато торпедисты все напяливают под ватники – градусов восемь, почти температура забортной воды. Торпеды в тавоте, мелом на них пишут только в кино; в щелях боеукладочных стеллажей – койки... У электриков из аккумуляторных ям – пар хлора глаза и глотку ест, на качке соляная кислота выплескивается. И поверху всего – густой сортирный дух: по боевому расписанию мочатся прямо на месте, под рифленой палубой на закругленном дне внутреннего

корпуса – все равно всегда дрянь плещется. Туда же, подняв мостки настила, оправляются и по-большому, если терпеть невмочь. Всунут ты меж механизмов, и за клепаной сталью – черная бездна со всех сторон. Одно слово – гроб.

– У немцев как было? Неделя – на позиции, неделя – отпуск домой! неделя – в ремонте. А у нас? Вернулся живой, попил спирта в базе, заправил-загрузил лодку – и назад в море! Вот и сходили с ума братки. Он – тронулся, ему – симулянт? – в штрафбат!

– Вот ты и тронулся.

– А мне было от чего.

Это верно. Выстрелиться через торпедный аппарат – спасение сомнительное. Это для лодки тридцать метров не глубина, а человеку – вполне достаточно. Всплыть-то на поверхность ты всплывешь, нагрудник пробкой вверх выбросит, да при таком мгновенном подъеме кессонная болезнь тебе обеспечена – когда в лодке течь и воздушную подушку подперло до тех же четырех атмосфер. Об этом уже как бы не думают, тут лишь бы спастись из своей могилы на дне. Азот в крови вскипает, закупоривает сосуды, и помрешь ты в страшных муках... да на белом свете, на свежем воздухе.

Обмазались густо солидолом, чтоб дольше хранить тепло, честно разделили уцелевший у командира спирт по кружке: и пошли.

Жоре повезло неправдоподобно, прихоть войны – его подобрал утром плавучий госпиталь с английского конвоя,

единственного живого; благо было лето и море было чисто. И доставил в Архангельск уже без рук без ног. Кессонка, некроз тканей.

И лет прошло черт-те сколько, а он все не успокоится. Следит, чтоб Маша утром не забыла завести его часы, которые висят на цепочке на спинке кровати: «Старшине первой статьи Георгию Аркадьевичу Матросову от командира 2-й дивизии подплава за отличную стрельбу». Как он их сохранил, как нигде не сперли?

Он остался в своем времени. Оно и понятно. Жизнь еще продолжается, а судьба уже кончилась. Это к нам ко всем относится.

– Знаешь, почему тебя Львом называли, облезлого?

– В честь Льва Толстого.

– Как же. Он-то был христианин, непротивленец. Русский. А тебя называли в честь Троцкого. Ты и по паспорту Лейба.

– Зря тебе союзники голову не ампутировали. Да его тогда и не знал еще никто, думать надо.

– А отчество – в честь Ленина, – глумится Жора.

– А твое отчество в честь кого? Гайдара? Порядочный Матросов давно жизнь за Родину отдал.

– Порядочного Баумана еще раньше водопроводной трубой по башке навернули.

– Трубой навернули, зато станция московского метро – его имени.

– Вот видишь. Он давно превратился в метро, а ты все

еще здесь.

Дались им их фамилии. Но в нашем здесь пребывании можно действительно усмотреть какую-то дикую конструкцию. Словно сценические колосники в театре марионеток. Сюда тянутся все невидимые нити. Сыграно очередное представление – и рабочие разбирают под потолком очередную несущую конструкцию, раскидистую паутину тросов и штанг, отслужившую свое.

2.

По российскому телеканалу идут «Вести». Ведет сегодня Светлана Сорокина, наша любимая дикторша. Ее мы ждем всегда с особенным нетерпением.

– Губернатор Нижнего Новгорода Владимир Немцов отказался принять прибывшего туда с пропагандистским визитом лидера ЛДПР Владимира Жириновского, – сообщает она. – А вообще все это ерунда. Хотите лучше я покажу вам свою пизду.

Она встает за столиком – оказывается, на ней клетчатая плиссированная юбка из шотландки. Ее нижняя половина, ниже талии, неожиданно крупная, полная, тяжеловатая по сравнению со стройными плечами и небольшой грудью, с милым овальным личиком. Когда она сидит за столиком, то не кажется такой корпулентной.

С легкой своей улыбкой чуть обозначая очаровательные

ямочки на щеках, она медленно, глядя нам в глаза, поднимает юбку до пояса. Под ползущим вверх подолом обнажаются полные, золотисто загорелые бедра. Узкие черные трусики, ажурные, прозрачные, туго обтягивают выпуклый треугольник, открыто просвечивает поросль внизу живота. Животик нежный, гладкий, с глубокой звездочкой пупка.

Придерживая задранную юбку локтями, она большими пальцами поддевает с боков трусики и тихо стягивает вниз.

Показалась верхняя граница пушистых темно-русых волос, они освобожденно курчавятся над сползающей полоской ткани, и вот уже весь запретный мохнатый холмик явлен, выставлен.

Тонкая линия молочной кожи над ним отчеркнута от загара узорным отпечатком резинки. Трусики покрывают волосы на треугольнике лишь на сантиметр выше. Прикрывают только самую е ё.

– Правда же так лучше, – с шелестящим придыханием говорит она, прогибаясь бедрами вперед и подавая свой тенистый треугольник. Край столика чуть вдавливается в мягкость бедер.

Бедра большие, плавные, плотно и круто округленные к талии, перехваченной собранной в жгут юбкой. Блики света играют на их выпуклостях.

Светлана покачивает бедрами из стороны в сторону, они движутся мягко и весомо. Искорки ярких электрических ламп вспыхивают в пушистом солнечном кусте между ними.

– И попку, – говорит она. – Она у меня большая и красивая.

Она поворачивается боком и отставляет зад. Нежный изгиб живота сбегает к лохматому профилю ее женской поросли вниз. А незагорелое полушарие попы круглое и большое.

Теперь она поворачивается задом, объемистые формы пышных булок безупречны, шелковистые, теплого розоватого цвета. Глубокая ложбинка между ними делит две половины вниз и вглубь, и там, в глубине ровного ромбика, отделяющего накачанные обводы ягодиц от ляжек, виден завиток русых волос.

Светлана любовно шлепает себя по попке, и податливая плоть колеблется волной дрожи.

Мелко переступая в спущенных трусиках (слышен стук каблучков вниз), она снова поворачивается передом. Глянцевые блики оглаживают ее крупное красивое тело, ладные массивные прелести молодой спелой дамы.

– У меня здесь такой локон, прикрывает начало щелочки, – говорит она. Придерживая юбку левой рукой, правой гладит живот вниз, опускает ее между ног и, слегка прижимая там раздвинутыми наманикюренными пальчиками, опустив голову и глядя, тянет вверх. Полускрытый выющими волосами холмик начинает сдвигаться, постепенно раздваиваясь, и в раскрытом промежутке ласковых настойчивых пальцев показывается и вылезает двойной краешек розовато-смуглых лепестков с маленьким темно-алым бугор-

ком между ними.

– Сейчас я расставлю ножки пошире, – говорит Светлана, – и все будет видно как следует.

Тут падает заставка «Вестей», потом вспыхивает таблица настройки, дурной голос Леонтьева вопит: «...чему, почему, почему был светофор зеленый?», мы переводим дух и сглатываем, судорожно вдыхаем воздух глубоко и шумно, дружно, свободный вздох. И появившийся на экране Михаил Огородников, как ни в чем не бывало заслоня фон безразмерными ушами, произносит:

– Мы приносим извинения за технические неполадки в студии¹. Продолжаем выпуск последних известий. Борис Немцов заявил, что в его рабочем расписании эта встреча не была предусмотрена, политические же дискуссии с лидерами партий и думских фракций не входят в его задачи.

– И в наши задачи тоже, – ворчит Каведе и кричит Маше выключить телевизор, чтоб не мешал. – У нас свои задачи,

¹ История прямого эфира чудесна и чревата. Как когда в 65-м году, комментируя футбольный матч СССР – Португалия, несравненный Вадим Синявский в раже заорал: «Го-ол!!! Хуй!!! Штанга!!!». Или в 67-м на закрытии фестиваля песни в Сочи пьяный по обыкновению Соловьев-Седой произнес сюрреалистическую речь, в долгий засос перецеловал и обшупал всех финалисток, силком отобрал у растерянно сопротивляющегося Юрия Силантьева дирижерскую палочку и, маша ею мимо музыки, в конце концов свалился в оркестровую яму, к восторгу и экстазу зала и всей страны, пока не дали заставку. Вот поэтому в сталинское время гарантированного порядка в радиостудии Шаболовки, ведущей передачу в эфир, всегда находился вооруженный сотрудник госбезопасности. И даже когда Левитан читал сводку Совинформбюро, в углу сидел особист с обнаженным стволом, направленным ему в живот. Мало ли что.

товарищи. А времени осталось не так много.

Это он прав.

Со стороны может показаться, что мы существа ненужные, бесполезные и беспомощные. Но это только со стороны.

Как вы уже, наверное, давно догадались, мы – специалисты по заговорам. И будьте уверены – суперы высшей квалификации.

Заговор – это наука. И это искусство. Гармония, рассчитанная алгеброй.

Эту науку и читал нам когда-то, еще в начале, Каведе.

– Наука о планировании, организации и проведении операции, имеющей целью частичный или полный политический переворот в отдельной стране или группе стран, – закрипел он с первого дня, – называется кудетология. В переводе с французского, восходящего к латыни, это означает буквально «наука об ударе».

Когда-то на Высших курсах НКВД им читал эту дисциплину преподаватель, появившийся на занятиях в парике и темных очках. Подобные курсы читаются во всех высших разведшколах мира.

– Кудетология является по сути важнейшей и определяющей из общественно-прикладных наук, поскольку она включает в себя все, что составляет специфику деятельности политика, ученого и солдата.

Кудетология подразделяется на историческую, аналитическую и практическую.

Историческая, как явствует из названия, изучает историю всех заговоров и переворотов, происходивших когда-либо во всех странах с древнейших времен, как успешных, так и неудачных. Она вскрывает и обобщает их закономерности и обогащает возможности знанием всех приемов, применявшихся ранее.

Совершение и профилактика переворотов зародились как учение в Древнем Египте и Месопотамии более трех тысяч лет назад. Такие правила, как вербовка агента влияния в правящей верхушке, определение желаемого претендента на власть, предварительные тайные договоры и финансирование преподавались жрецами Тутмосу III, который в XV веке до нашей эры практически бескровно присоединил к своему государству соседнее царство Куш после того, как «внезапно умерщвленного волей богов» воинственного царя Бирсу сменил его безвольный племянник; об этом упоминает Геродот в VI книге.

Аналитическая кудетология рассматривает и учитывает данные экономики, географии, статистики, а также политологии, этнологии и психологии. Промышленный потенциал, рельеф местности, социальная структура, мировоззрение и идеология населения – все это должно быть увязано в цельную и исчерпывающую картину, внутри которой и надо определить ход требуемого действия по линии наименьшего сопротивления и наибольшей, гарантированной, с дублирующими подстраховочными вариантами, эффективности.

Практическая кудетология, на базе всестороннего анализа обстановки, с учетом всех средств, есть собственно технология переворота.

Первое: постановка цели. Это захват и удержание власти. Задача двуедина, без обеспечения удержания захват бессмыслен.

Что надо изменить? Политический курс. В какой мере? Необходима смена режима, или достаточно сменить лидера?

Заменить человека несложно. С такой локальной акцией всегда справится небольшая группа квалифицированных специалистов. Положительный образец – блестяще проведенное устранение Кеннеди.

А образец разгильдяйства – задуманный французами переворот в Гвинее в 1974 году, который не удался просто потому, что рота парашютистов элементарно не сумела ночью найти президентский дворец. Сначала заблудились в джунглях, потом в переулках, и утром их уничтожил наш спецназ из охранного батальона. А пятерых уцелевших власти повесили в воскресенье на центральной площади.

Замена всего режима требует серьезной проработки и больших расходов.

Первыми вступают в дело аналитики. История страны, состояние экономики, характер народа – все изучается: а вдруг они непримиримые головорезы, как курды? Им сменишь лидера, они его убьют мигом, и дальше будут свое гнуть. Для немца любой закон свят, а баск – прирожденный анархист.

Почему рассосались результаты наших удачнейших акций в Африке? Этнографов и психологов не послушали, не учли традиции и психологию населения.

Аналитики опираются на данные разведки. Плюс книги, газеты, телевидение, все доступные источники информации. И выносят рекомендации: на какие силы ставить? кто выиграет? кто проиграет? кого нейтрализовать? каков эффект домино? какой метод предпочесть? сколько это будет стоить?

Безупречно проведенный бескровным парламентским путем переворот в Чили закончился провалом по двум причинам. Во-первых, не сменили армейскую верхушку, хотя аналитический отдел Генштаба и настаивал. Во-вторых, Андропов не сумел вырвать у старых маразматиков из Политбюро достаточно денег на поддержку режима Альенде. наших кретинов пугало, что Чили станет такой же бездонной дырой, как Куба. А чилийцы – народ цивилизованный, трудолюбивый, за несколько лет встали бы на ноги: страна набита ценнейшим сырьем, и какая база в важнейшем юго-восточном регионе Тихого океана пропала!

...Каведе склонен отвлекаться для доходчивости на всякие примеры, а я словно вижу перед собой эту книгу: в черном переплете из плохого лидерина, с аляповатым золотым тиснением угластных букв «Кудетология». С грифом на титульном листе: «Секретно. Конспектированию не подлежит». И лиловый штамп в верхнем углу, чуть вкось: «Высшие курсы НКВД. Экз. № 7».

...Первоочередные узлы контроля: масс-медиа, транспорт, энергетика, узлы связи армии и полиции.

...Заранее подготовленные пакеты законов, привлекающих на свою сторону главные силы, основную часть населения.

– Обязательный принцип единоначалия!

Жесточайшая координация! А то вечная неразбериха. И в результате «Зенит» штурмует дворец Амина в Кабуле, а батальон спецназа КГБ его же защищает, и палят они друг в друга. И удивляются, как здорово воюет другая сторона. Это называется – перетончить: пересекретили операцию от самих себя... блллядь!

– В Афганис-та-не, в «черном тюльпа-не», с водкой в стакане мы молча плывем над землей, – под нос поет Мустафа. Упоминание Афгана затрагивает его душевное равновесие.

Он у нас свежачок, его прошлое еще не улеглось, не стало отдельным от него. Он все еще пытается иногда найти смысл, просечь логику в том, к чему пришла его жизнь.

Он из Забайкалья, «гуран»², как с гордостью прозываются коренные. Казаки давно обжили манчжурскую степь, когда в те края, в нерчинскую каторгу, слали декабристов. Сполняли государеву службу: резались на рубежье с хунхузами. Хлеб сеяли, овец пасли, лампас по форме носили зелено-желтый: Забайкальское казачье войско.

² Степной козел.

Кровь мешалась с монгольской, ветвились фамилии: Голобоковы, Мясниковы, Прасолы. И был Витек Мясников невысок и цыганист – кость узкая, да жила выносливая: что мороз, что жара, – гуран.

Дрались пацаны в селе свинчаткой, бляхой, голицей – обледенелой кожаной рукавицей. А плавать не умели – в степи негде.

Школа – тьфу... ветер в щели. Девочек щупали, в сортире подглядывали. После восьмого класса переходили в вечерку: девки беременели, пацаны шли учениками в ремонтные мастерские и полевые бригады. Обношенные учителя выводили мертвым душам тройки в табелях, чтоб самих не сократили.

Призыва в армию ждали с равнодушием людей простых, живущих как заведено. Последнюю неделю попили, погуляли, подожимали девочек: на прощание очень важным ощущалось, чтобы она тебя ждала. Хотя для себя возвращение обязательным не полагали: мир велик, судьба впереди. Дальше Читы и Хабаровска никто не бывал.

Одетые в старье – хорошее все равно украдут или дембеля отберут – помахали из автобуса, и в райцентр. А там в военкоматском дворе цыкнули, рыкнули, построили по четыре, и погнали команду два сержанта на станцию.

В вагоне пили, пока деньги не кончились; за окнами мелькало бесконечно; на седьмые сутки приехали в Ульяновск, в учебку.

В учебке чистили картошку, зубрили уставы и маршировали. Жрать и спать хотелось. Разок гоняли на кросс – вокруг гарнизонного забора. Разок – на стрельбище: первый раз берешь настоящий автомат в руки – ого! – а через неделю провались эта дура, чистить да таскать, деталь обрыдлого быта.

Задники сапог нечищены – наряд. В сорок секунд подъема не уложился – наряд. А кто возбухнет – сержант загоняет отделение в сортир и командует валить мимо дыр, вот те наряд: кусок тряпки в десять квадратных сантиметров, и чтоб через час все было вылизано.

А чему еще мотострелка учить? Технику он не обслуживает, спорт и рукопашную, как десантуре, ему не дают... так, дурь выбить, а выправку вбить, чтоб службу понял – и хорош, давай под присягу.

И остаются в памяти – подробности и слухи.

Вот хэбэ стираешь шваберной щеткой, с песочком, пусть вытрется и высветлится, разложив на полу в умывалке. В кухонном чане миски заливаешь кипятком и крутишь в гремящей груди городошной битой мытье. По подъему («Оправиться и выходить строиться на зарядку, форма одежды – с обнаженным торцом!») – в сортире по семеро в затылок дышат отлить в очередь, и с парного духа теплой чужой мочи в знобящем воздухе начинается день.

Слухи живут в поколениях: как солдат-грузин сделал жёну полковника, когда тот был в командировке, и полковник, узнав, хотел его застрелить, но влюбленная в юного трахаль-

щика-красавца жена пообещала уйти, писать генералу, министру, истерика, и командир комиссовал грузина, отправил из армии вон домой, а жена сбежала за ним, и они поженились и стали жить у грузина дома на Кавказе. Или еще: двое за полгода до дембеля угнали в карауле «газон», загрузившись патронными цинками, и месяц гоняли по лесам, заправляясь у проезжих машин, а жратву и водку беря под автоматом в сельмагах, и не могли их поймать, пока не обложили в роще ротой внутренних войск, те отстреливались бешено, накрыли их только минометом – в клочья: вот так-то бывает – не выдержали, так хоть погуляли.³

И вся армия. Кочку заправлять внатяг, чтоб комкастый тюфяк – прямоугольной доской. В столовую – руки не мыть, но обувь чистить, проверят. В увольнение – пройти изнутри складку брюк куском сухого мыла, и навести стрелку ходом расчески меж зубцов.

По присяге – разрешали у них усы. И выхолил Витек шелковые черные кисточки. Они его и сгубили.

Прибыли представители частей разбирать салабонов. Увидел его в строю один летёха, приостановил взгляд:

– Фамилия?

– Рядовой Мясников. – Скуластый, смуглый, черноглазый.

– Русский?

³ Статистика самоубийств в Советской Армии не была засекречена, но просто запрещена: не существовала.

– Так точно.

– А по виду – точно азиат. Мустафа такой.

Витек стал Мустафой – пришлось в масть.

Внешность – это, конечно, ерунда, но иногда и она может значить. В Афган!

Про Афган рассказывали ужасы, снижая голос. Зато дедовщины нет и кормят хорошо. Никакой строевой и нарядов, и офицеры добры и осторожны – чуть что не так, и получишь в бою пулю в спину.

Ни хрена. Жрали сухпай не досыта, деды мордовали до тупости и отчаянья, спали по три часа – все работы на молодых и ночные охранения. Застанут спящим – бьют в смерть.

Ну че. Пошли на операцию. Горы раскалены, прешь под солнцем сорок кг – НЗ, патроны, вода, спальник, с пулеметчика или радиста еще что-нибудь на тебя навесят, ноги дрожат и с камней срываются, язык сбоку. А душман скачет наверху, как козел – калоши на босу ногу, халат и автомат через плечо. А тебя через пару суток марша бери голыми руками, бобик сдох...

«Крокодилы» встали над горой, ощетинились вспышками, протянули дымные ленты – отработали по кишлаку, как на гигантской совковой лопате перетряхнули склон. Пошли вперед, где что – не понять, дым, треск, тут как даст под ногами!..

3.

Гагарин опять сбивается, считая ресурс десантных Ан-12 на одну дивизию до Москвы. Полк на Кремль, батальон на телевидение и радио, батальон на дачи, по роте на вокзалы и аэропорты, по роте – оседлать кольцевую и шоссе.

– Телефонная станция – взвод, – бормочет он. – Подземный узел связи – рота... Генштаб – две роты. Дежурный по гарнизону – взвод...

Считай-считай, парень. Учти еще по отделению – запечатать депо метрополитена и автобусные парки, по отделению на электростанции – это сразу вырубит типографии и редакции, иначе их не пересчитать, и ради Бога, обеспечить прежде всего командующего ПВО, который под автоматом даст на запросы с постов, без его решения обойтись не захотят, добро на проход эшелона. А иначе получится вечная русская хренотень: хотели как лучше, а получилось как всегда.

Нет, теперь он маху не даст. На собственной шкуре научился, взять хоть его самого. Вот, скажем, родился Гагарин в 1935 году. Старик в том году уже был директором завода, Каведе – молодым сержантом НКВД, Жора вступил в КИМ – Коммунистический Интернационал Молодежи, как тогда назывался комсомол. Прямо-таки преемственность поколений, только интервал был упрессован обвалом времени с двадцати пяти лет, как обычно считают историки поколение, до де-

сяти, от силы двенадцати. Десяток и дюжина – одна, в сущности, единица в разных системах счета.

Поэт Багрицкий неслучайно (и не для рифмы, писать он умел) настаивал, что именно «десять лет разницы – это пу-
стяки», и неслучайно это именно «разговор», и с «комсо-
мольцем», и о «войне». Сознательно он, надо полагать, ни-
какого особого глобального смысла в то, что именно «десять
лет», в виду не имел. Но тем поэт и характерен, что через
него эпоха являет свои истины.

– Едем мы, друзья, в дальние края, станем новоселами и
ты, и я! – Сколько жизни звучало в громах над нами.

Сорокалетие освоения Целины не очень отмечалось, не до
него тут; и Гагарин это переживал. На войну он не успел, а
в подвалах и полуподвалах ребятишкам хотелось под танки!
и, стало быть, в юности понял, что смысл его жизни в том,
чтобы поднять Целину. Распахать бескрайнюю нетронутую
степь – заколышет тучная нива золотое литье до горизон-
та. Встанут белые города, задымят заводы, давая счастливое
изобилие стране.

В теплушках ведь ехали, под кумачовыми лозунгами. Под
ледяным ветром гремели палатки в мартовской степи. В зем-
лепашестве смыслили, как свинья в апельсинах.

Это он здесь уже досообразался, что мирно сопящий ря-
дом Каведе за двадцать лет до того всех природных крестьян,
кто понимал землю, выморозил в Арктике, выморил в лаге-
рях. Ну, кого не сам, тех коллеги-товарищи, почетные чеки-

сты, серебряные щиты. И чем больше знаешь, тем меньше во всем смысла.

В смысле Целины Гагарин – которого тогда Гагариным, естественно, никто не звал, за отсутствием к тому причины и повода, а звали Юрой Белкиным – разочаровался довольно быстро. Он как-то самостоятельно, не формулируя, пришел к чеховскому выводу об идиотизме сельской жизни. Не, ребята, пахать и сеять и жать не по погоде, а по команде – это кайф. Это нечто.

Но результат – это одно, а моральный смысл его достижения – это другое. Как это там у Бернштейна (или это ренегат Каутский?): «Движение – это все, конечная цель – ничто». Понял-нет? Конечной целью оказались песчаные бури и, через восемь лет всего, пожизненные закупки зерна в Америке – но моральный смысл ощущался в том, чтобы реализовать силы молодости для мощи и процветания Родины. Радуюсь (радуюсь!) я – это мой труд вливается в труд моей республики. Однако запас сил даже у молодости ограничен все-таки, в отличие от пути к процветанию Родины, который ну решительно же бесконечен, бьешься-бьешься – не цветет, собака. Может, дустом попробовать?

И еще не Гагарин, стало быть, а Юра Белкин, попав в армию, решил поступать в военное училище. Пусть он разочаровался в Целине, но не принципиально в романтике как таковой. Романтизм ведь качество внутреннее, и требует внешней точки приложения.

Это был тоже, знаете, конфликт эпохи. Романтизм поощрялся единоразово: бросить город, удобства, родных, все, – и уехать по зову Партии в степь (пустыню, тундру, тайгу, нужное подчеркнуть). После этого романтизм надлежало сбросить, как муравьиная самка сбрасывает одноразовые крылья, и пахать дисциплинированно на одном месте. А крылья сдать в Музей трудовой славы, чтоб на их примере учить новую молодежь героизму.

А которые имели нерегламентированный, сверхлимитный романтизм вечно менять местожительство в жажде нового – для тех был отрицательный термин «летун», и их пресекали сниманием с очереди на квартиру и лишением прочих социальных благ, льгот и надбавок.

Романтизм Юры Белкина жаждал крыльев, на крыльях нарисовались красные звезды, порыв обрел военную ипостась, и он, стало быть, решил стать защитником Родины, воином. Офицером. Есть такая профессия – Родину защищать. Лучше всего – летчиком. Романтика в квадрате.

Ближайшим летным училищем было Кокчетавское, и военком выписал ему проездные документы – была разнарядка, и он стал курсантом-летчиком.

Махну серебряным тебе крылом.

Все выше, и выше, и выше.

А вместо сердца пламенный мотор.

А город подумал – ученья идут.

Среднестатистический советский военный летчик – это

старший лейтенант или капитан двадцати девяти-тридцати лет. Основное рабочее звено.

Перегрузки при высшем пилотаже реактивного истребителя достигают 9g. Некрупный человек весит шесть центнеров. Литр крови весит 9 килограммов – тяжелее железа, близко к свинцу, и сердцу это проталкивать. Мышцы под своей тяжестью оползают с костей. Истребитель уходит в воздух в противоперегрузочном скафандре – упругая шнуровка держит тело в целости.

При посадке на скорости под 300 км/час напряжение таково, что пульс строчит под 200, давление прет к 240 на 160. Это у молодых тренированных ребят.

Поэтому военный летчик изнашивается быстро, к сорока годам большинство летать бросает. Подыскивают наземную службу. Кто дорос только до капитана – в сорок увольняются из армии, выслуга позволяет; нет перспектив, хорошо б только дотянуть двадцать пять календарных до полной пенсии.

Так что когда Юра, много лет спустя, прочитал о действующем немецком летчике нашего времени, капитане и командире истребительной эскадрильи, который летает в 50 (!) лет – он даже понять не смог, как тот в 50 (!) лет держит такие перегрузки. А реакция? А зрение?

Характерно, что летчики (наши) после окончания училища ни черта своим здоровьем не занимаются. От природы есть пока? и ладно. Квасят водку, как прочие граждане.

От давления с похмелья жрут лимоны перед медкомиссией, чтоб снизить до нормы. Главный авиационный фрукт – это лимон. В дефиците их доставали где могли, привозили ящиками. Огурцы сами солили, чтоб натуральный рассол был, с укропчиком, – тоже способствует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.